

18+

**АЛЕКСАНДР
КУРЕВИН**

**ИЗ
ЗАБАЙКАЛЯ
С ПРИВЕТОМ!**

Александр Куревин

ИЗ ЗАБАЙКАЛЬЯ С ПРИВЕТОМ!

«Издательские решения»

Куревин А.

ИЗ ЗАБАЙКАЛЬЯ С ПРИВЕТОМ! / А. Куревин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-539677-8

Конец 80-х, Забайкалье, город Кяхта на границе с Монголией. Младший сержант Смелков прибывает из учебного подразделения в действующую военную часть и, сам того не ведая, оказывается вовлеченным в опасные шпионские игры. Исход операции нашей контрразведки в какой-то мере зависит и от его действий тоже...

ISBN 978-5-00-539677-8

© Куревин А.
© Издательские решения

ИЗ ЗАБАЙКАЛЬЯ С ПРИВЕТОМ!

Александр Куревин

© Александр Куревин, 2021

ISBN 978-5-0053-9677-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Один плюс один будет два. Один плюс одна – еще неизвестно, что получится. Я глядел из окна автобуса на ссорящуюся пару. Иногда и сержанта Советской армии пробивает на философию.

Она была красива. Хотелось назвать ее Белоснежкой. Светлые локоны выбились из-под вязаной шапочки, отороченной мехом.

Да и он хорош. Мужественный блондин, лицо топором. Шинель идеально подогнана по фигуре. Майорские звезды на погонах. Ее выпады он встречал достойным молчанием. Смотрел исподлобья. На скулах желваки играли.

Автобус мой тронулся. Железнодорожный вокзал «Наушки» «поехал» в сторону. Женщина взялась за сумку. Майор сделал движение, чтобы помочь, но она остановила его жестом и пошла к вокзальной лестнице одна. Он смотрел ей вслед. «Жизнь прошла мимо», – припомнился мне солдатский фольклор.

Не прошло и десяти минут езды, как «пазик» наш встал колом посреди заснеженных холмов, водитель полез копать в моторе. «Не будем слишком верить в приметы, – сказал я себе. – Или это меня бог решил наказать за злорадство?»

Поначалу я не сильно опечалился, поудобнее устраиваясь в кресле. Известно, пока солдат спит, служба все равно идет. «Главное, чтобы водила не очень затянул с устранением неисправности, – подумал позже. – Тепло уходит. Дед Мороз радуется детям на елке, а солдата срочной службы он способен сильно обеспокоить...»

На КПП (контрольно-пропускном пункте – для девушек) военной части представился пришедшему за мной офицеру – старшему лейтенанту с бледным, в оспинах, лицом и внимательными, как у милиционера, серыми глазами.

– Из учебки связи, говоришь? Из Мирной? Морзянку принимаешь? А что еще делать умеешь? – спросил он меня.

– Что командир прикажет. – Я улыбнулся.

– Ответ правильный! – одобрил старлей. – Пойдем, отведу тебя на пункт управления ПВО. Может, сгодишься.

Стоящее отдельно от старинных красных казарм небольшое двухэтажное здание из белого кирпича, куда меня сопровождал офицер, и оказалось пунктом управления противовоздушной обороны. На втором этаже, в «радиорубке», как я ее мысленно окрестил, перед ужасающих размеров приемником сидел маленький желтолицый служивый, с виду – татарин, с черными, будто нарисованными бровями, красивыми, как у девушки, глазами и вздернутым носиком. «На куклу похож», – подумал я. На погонах три лычки. Сержант! Перед своим офицером он поднялся, не выказывая особой поспешности:

– Товарищ старший лейтенант, сержант Ермачев...

– Вольно, – прервал его доклад старший лейтенант и, осмотревшись, подступил ко мне:

– Так, что умеешь? Нам во взводе начальника ПВО нужны таланты. Иначе – в стройбат, к соседям. У них некомплект.

– Там меня всему научат? – высказал догадку я.

– Хм. Правильно мыслишь! – кажется, старлею я стал еще симпатичнее после второго верного ответа. Однако продолжить экзамен, пригоден ли младший сержант Олег Смелков, то есть я, для взвода начальника ПВО, не удалось. В «радиорубку» ворвался «целый» майор. Я узнал своего «знакового» со станции. Здраваться, правда, не стал. Вряд ли он узнал, и вообще заметил там меня.

Как ни был взволнован, судя по внешнему виду, майор, однако, замер на пороге. Усилием воли внимательно, серьезно, полностью, не перебивая, выслушал доклад старшего лейтенанта.

– Вольно! У нас чепе, Хотабин! – сказал вслед за тем. – Столярка в Кяхте сгорела. Есть труп.

– Ничего себе! – отреагировал Хотабин. – Как же это?..

– Мне люди нужны. – Майор посмотрел на желтолицего сержанта. – Рота на учениях. Я в отпуск не успел уехать...

– Ермачев – дежурный по Пункту управления, товарищ майор, – извиняющимся тоном сказал Хотабин.

– А это кто? – Майор устремил свои светлые «ледяные» глаза на меня, стоящего по стойке смирно.

– Младший сержант Смелков прибыл из учебки связи для прохождения службы в нашей части.

– Служба началась, Смелков! – объявил майор. – За мной!..

За КПП нас поджидал «уазик». Майор сел рядом с водителем. Я нырнул на заднее сидение и увидел вдруг знакомое лицо. Ха-ха! Парень из нашей учебки! Единственный задохлик среди богатырей-горняков с Донбасса, которые гоняли горьковских студентов в хвост и в гриву на том лишь основании, что призвались весной, а не летним спецнабором, как студенты. «Интересно, что он обо мне знает? – мелькнула тревожная мысль. – В учебке он был не на первых ролях».

– Здорово! – приветствовал одноклассника негромко. – Давно здесь?

– Да с месяц уже. Привет!

– Понятно. Я-то распределялся одним из последних... Что случилось?

– Не знаю. Говорят, Длинный сгорел. Вовка Оболенов. Я у него помощником был в столярной мастерской.

«Нормально устроился, – подумал я. – Работа в городе, в стороне от казармы. Запах воли, возможности всякие...»

До места ехать оказалось недалеко. Тут, впрочем, все было близко, не считая Москвы, до которой – шесть тысяч километров. Пожарные с пепелища уже удалились. Беда случилась еще ночью. Следователь военной прокуратуры успел заслушать выводы криминалистов. Теперь рассказывал нашему майору, стоя в сторонке:

– Клей нюхал ваш служивый, судя по всему. Банку рядом с ним нашли. Видно, нанюхался выше крыши. Решил потом закурить и вырубился. А вокруг опилки...

Майор внимательно слушал следователя, стиснув зубы. Только желваки играли на скулах. Совсем недавно он также слушал свою жену на станции. Скорее всего – жену. Я подумал, что он – хороший офицер. Армейские уставы, если честно, я плохо читал, а вот лица...

– Он что, в натуре клей нюхал, ваш столяр? – спросил худосочного горняка, которого звали Пашей, как выяснилось. В учебке мы и не общались практически.

– Как это? – не понял Паша. Темнота! Он, оказывается, не знал, как нюхают клей, и не понял слов следователя, которые тоже слышал. Пришлось объяснять. Самого меня просветил на сей счет один приятель-художник на Свердловке, нашем горьковском «Арбате». Он вернулся из Прибалтики накануне. Там такая «развлекаловка» стала популярна. Конечно! Прибалтика у нас ведь – почти заграница!..

– Ничего не нюхал при мне, – возразил Павлик. – Бухнуть мог. Но это только ночью. Когда работы через край было, в столярке и ночевал иной раз. К Длинному девушки в гости приходили... – доверительно сообщил Паша, состроив скабрзную улыбочку. Я понял, что ему самому девчонок пока не перепало.

– Ну, ничего. Теперь ты один остался, все девки твои, – заметил ему. – Может, это ты Длинного и спалил, чтобы поляну расчистить?

Паша посмотрел на меня дикими глазами.

– Черный юмор, – усмехнулся я. – Не принимай близко к сердцу.

«Следователь говорит, столяр нюхал клей, а приближенный покойного – что бухал. Перебор получается, – размышлял я. – Что-нибудь одно уж должно быть. Либо бухал, либо нюхал. Клей, конечно, под рукой у столяра всегда, только вряд ли тот страдал от безденежья. Небось и от гражданских заказы получал? Имел копеечку на мелкие расходы?»

Благодаря своему дяде, имеющему некоторое отношение к Советской армии – это очень мягко говоря – я был подкован насчет армейской и околоармейской жизни задолго до того, как призвался на срочную. Отмазаться не пытался, хоть и мог. В учебке сделали многое для того, чтобы я пожалел о своем решении, но я не пожалел. Не на того напали! Многие до последнего не представляли себе, насколько не на того. Даже сам замполит. Он, кстати, обещал не выдавать меня, чьим племянником являюсь, отправляя по распределению в войска. Мы же с ним друзья стали!.. Пашу здесь встретить я не ожидал.

Конечно, обгоревший труп, который нам с Пашей пришлось запихивать в труповозку, это не одно из тех впечатлений, которыми художник Олег Смелков хотел себя обогатить, отправляясь на службу в армию. Но, как говорится, из песни слов не выкинешь. Труп, естественно, «достался» нам. Для того и понадобились майору Бохану, – Паша назвал мне его фамилию. Майор, может, и хороший офицер, но не самому же ему руки пачкать? Боец тогда на что? Тем более что Бохан, как я понял, мыслями был уже в отпуске. Его, видать, на пепелище прямо перед поездом дернули. Супруга, вероятно, откладывать поездку не захотела. Чай поди в столицу укатила, или в Ленинград! Не в Бурятии же, в самом деле, отпуск проводить такой крале?!

Управившись с неприятным делом, мы ждали, когда майор Бохан наговорится со следатком, – они отошли в сторону. Я подобрал несгоревший кусок неокрашенной половой доски. «Вырежу что-нибудь на досуге на память о Забайкалье», – подумал и положил пока на подоконник. Исследовал от нечего делать содержимое мусорного ящика. Там валялись такие же обрезки свежей половой доски и несколько кусков железной трубы. Несгоревшая часть одноэтажного здания являлась слесарной мастерской, как мне объяснил Павлик.

Следователь и эксперты уехали. Бохан поставил задачу по уборке сгоревшего помещения. В подсобке уцелевшей слесарки Паша отыскал, во что нам переодеться. Здесь же нашелся и инструмент.

– На весь день развлечение! – сказал я. – Предлагаю начать с очистки пола, пока вода не замерзла. Пожарники на совесть поливали! Перекурить бы это дело, да табачок кончился, – посоветовал.

– Погоди, – загадочно обнадеживающе произнес Паша и куда-то полез.

Несмотря на то, что эксперты обнюхали слесарную мастерскую, делали они это, видать, не слишком вдумчиво. Паша обнаружил в целости и сохранности тайник Длинного, а в тайнике – две бутылки водки и два блока болгарских сигарет. Появился повод сказать искренне доброе слово о покойном! Паша щедро решил, что содержимое тайника – нам с ним поровну. Молодец.

«Но, нюхать клей при таком запасе у покойника повода точно не было! – лишний раз подумал я. – С чего они вообще решили, что столяр токсикоманил? У Паши спрашивать бесполезно. Он слова такого не знает. Я сам еле припомнил... Если же Длинный не нанюхался,

а напился, то куда пустая бутылка делась? Ее явно не было, иначе эксперты предположили бы насчет алкоголя, скорее всего. Почему клей? Видимо, эксперты что-то знают такое...»

Я заметил, что Паша в работе не халтурит. Дорожит местом, можно понять. Решил тоже не сачковать. В итоге майор, вернувшийся за нами вечером, остался доволен. То, что мы пролетели с обедом, пустяки. В слесарке у Длинного нашелся самодельный, из лезвий, кипятильник, цейлонский чай, сахарок. Какие хорошие люди так рано уходят из жизни!

Проведя через КПП, майор нас оставил. Павлик пошел в казарму, я же – на Пункт управления. Куда мне еще было идти?

Поднявшись в «радиорубку», постучал для приличия, потянул дверь на себя и – о-о-о! Едва не ослеп от больших звезд на погонах!

– Товарищ подполковник, разрешите доложить! Младший сержант Смелков прибыл из города Кяхта, после наведения порядка в сгоревшей столярной мастерской! – выпалил, загоняя в дальний угол собственную иронию, дабы не подвела, проказница, под монастырь.

– Та-а-ак! – Подполковник поднялся со стула с намерением меня рассмотреть. Сам он оказался маленького роста, с юношеской фигурой, с лицом капризного подростка, с седыми, правда, висками. Интуитивно понял, что появление подполковника здесь связано с пожаром, о котором он уже знает. То есть, не я первым принес худую весть. В Древнем Риме подобных гонцов, помнится, не жаловали...

– Это тот самый сержант Смелков, которого майор Бохан взял с собой, товарищ подполковник, – подал голос старший лейтенант Хотабин, поднявшийся со стула одновременно со старшим по званию и теперь тоже разглядывающий меня. За Хотабинным прятался сержант.

– Ну а где сам Бохан? – спросил подполковник таким тоном, что показалось, сейчас добавит: «Где он шлялся столько времени?!» Причем, непонятно было, кому товарищ подполковник выказывает свое неодобрение, – мне, старшему лейтенанту Хотабину, нам обоим?.. Поскольку, с Боханом был все же я, рискнул ответить:

– Не могу знать, товарищ подполковник! Майор Бохан провел нас с рядовым... э-э-э... – я подумал, что не знаю фамилии своего однокашника, – ... с помощником столяра через КПП и все.

– И все! – передразнил подполковник, повернувшись к Хотабину. – Боец только прибыл в часть, не поставлен на довольствие. Бохан его забирает куда-то!.. – Подполковник затянул длинную паузу, призванную, очевидно, держать подчиненных в напряжении в присутствии начальства. – Ладно. Что там, в мастерской? – спросил меня так, будто лично ставил задачу и теперь требовал доклада.

– Столярная мастерская полностью выгорела. Потолок цел, он панельный. Первичный порядок наведен, но требуется вставлять окна, перестилать пол, проводку менять, штукатурить и красить стены.

По правде сказать, я остался доволен собственным кратким, внятным докладом, но только не подполковник. Он покивал головой с таким видом, будто ему горько, что боец несет чушь.

– Что стены и проводка! Там человек погиб, так? Вот об этом мне скажи. Как это вышло? Подавив желание сказать: «А я откуда знаю?» – ответил:

– Следователь военной прокуратуры говорит, что столяр сгорел потому, что нюхал клей, потом закурил, потерял сознание. От непотушенного окурка случился пожар.

– Что столяр делал?! – Подполковник и тут не оценил моего ясного ответа, без «беканья» и «меканья», понравившегося мне самому. Он смотрел так, будто это я лично угостил клеем столяра Длинного, которого на самом деле ни разу при жизни не видел, а когда тому захотелось покурить, поднес спичку и отчалил. Подполковник матерно выругался.

– Бардак развели! Не мастерская, а притон какой-то! Доски для палаток кривые сделали, бруски разной длины!.. – припомнил он что-то свое. Старший лейтенант Хотабин, мне кажется, должен был в этот момент испытывать личную ответственность за гибель столяра Оболенова по прозвищу «Длинный». Теперь пауза подполковника затянулась еще больше. Сержант Ермачев выглядывал из-за спины Хотабина с выражением превосходства на кукольном лице. «Я бы сумел навести порядок», – казалось, готов он сказать. «А малыш не прост, – подумал я. – Вероятно, не зря сержанта получил».

Подполковник после своей большой подполковничьей паузы еще раз покачал головой с видом глубокой печали от бездарности подчиненных и спросил Хотабина обо мне:

– Так, что он может делать?

– Морзянку принимает, – сказал Хотабин.

– Еще бы он после учебки связи морзянку не принимал! – воскликнул подполковник.

«Вовсе не обязательно, – мог бы я возразить ему. – Если нет музыкального слуха, можно принять лекарство, или на грудь, а морзянку не получится. В военкомате об этом почему-то не думали, отправляя в учебку связи кого попало».

– Мне надо, чтобы он плакатным пером писал! – услышал требование.

«Ишь, чего захотел! – продолжил я свой внутренний диалог с подполковником. – А краковяк вам на подоконнике не станцевать?!» Забавляло, что подполковник беседовал со старшим лейтенантом так, будто сам я вроде пуделя. Смотрю преданными глазами, но высказаться не умею. Хотя, казалось бы, только что доказал обратное.

– Смелков, ты умеешь писать плакатным пером? – спросил меня Хотабин. Я мог бы ответить, что способен даже нарисовать плакатным пером их с подполковником совместный портрет в обнимку, хотя в жизни такое себе трудно представить. Но, не успел ответить ничего.

– М-м-м! – подполковник раздраженно замычал. – Раньше надо было выяснять! – буркнул.

– Когда же раньше, товарищ подполковник? – робко возразил старлей. – Его же Бохан сразу забрал.

– Забрал! – передразнил капризный малыш с седыми висками и не по росту большими звездами на погонах. – У вас ракетный комплекс скоро из-под носа заберут, не то, что бойца, а вы и не пикнете!.. Садись! – приказал мне. Лично приставил стул к столу рядом с собой. Достал с полки баночку туши, перья, ручку. – Пиши.

Я понял, настал час выбора! Можно сейчас поставить кляксу, как Буратино на уроке у Мальвины, да и отшить подполковника с его запросами. Отправиться затем в казарму, чтобы служить, как все. Стоять на тумбочке дневальным, заступать в наряд по столовой, ходить в караул. Насчет стройбата старший лейтенант Хотабин шутил, конечно. Однако подумал, что уйти в народ всегда успею. Все же, быть постоянно на людях утомительно для меня – человека, который иногда желает уединения, а порой и просто никого видеть не хочет. У взвода же ПВО имеется такая роскошь – собственное помещение!

Я решительно вставил в ручку-держатель плакатное перо, обмакнул аккуратно в тушь. И вывел:

«Я умею писать плакатным пером, товарищ подполковник!»

Скосил на него глаза и увидел, как у подполковника на лице расцветает улыбка превосходства в отношении старшего лейтенанта:

– Вот видишь, Хотабин! Умеет он писать плакатным пером!

Я не стал цитировать Кота Матроскина, что еще вышивать могу и на машинке тоже. Всем должно было сделаться очевидным, насколько быстро подполковник умеет раскрывать таланты, в то время как остальные ни мычат, ни телятся! Вдающийся психолог поднялся из-за стола:

– Я – к командиру бригады.

Хоть подполковник прямо этого не сказал, но, по-видимому, я успешно прошел испытания, и принят в элиту элит – взвод начальника противовоздушной обороны. И с этим самым начальником, судя по всему, только что лично познакомился.

Едва подполковник вышел, – Хотабин даже сказать ничего не успел, хотя, похоже, хотел, – дверь вновь отворилась. Не я один, вероятно, подумал, что наш требовательный начальник ПВО чего-нибудь забыл, но нет. Вошел другой офицер. Высоченный капитан. Слегка пригнулся даже, шагая в дверной проем, чтобы шапка не слетела. Будто в деревенскую избу входил, а не в современный кабинет. Карие глаза полуприкрыты веками, как на иконах у святых, уши смешно оттопырены, нос длинный. Будто принохивается все время, чем пахнет?

– Здорово, – сказал простецки Хотабину, протягивая руку. – А чего Шмоляр здесь? Он же на учениях с дивизионом должен быть? Недоволен чем-то. Иди, говорит, там тебе все объяснят.

– Когда он был доволен? – усмехнулся Хотабин. – Чепе у нас... – Он поведал капитану про сгоревшую столярную мастерскую и погибшего солдата. – Теперь задолбают, – подвел итог своему рассказу. Капитан, однако, не согласился:

– Причем здесь мы? Если бы столярка на территории части находилась, другое дело. А так... Там начальник гражданский. Мы-то что? Людей только дали.

Я оценил, как быстро капитан разобрал суть. «Хорошо соображает, – подумал. – А Хотабин слегка медлителен. Хотя, с виду тоже человек думающий. Кажется, переживает из-за укора подполковника. Обидчив на критику».

В подтверждение моих мыслей, Хотабин принялся капитану жаловаться, как Шмоляр выговорил ему за то, что не успел расспросить вновь прибывшего сержанта, то есть меня. А когда бы он успел, когда меня Бохан забрал?! Как он мог отказать Бохану, если ситуация такая?..

Я понял, Хотабин такой человеческий тип, которому непременно требуется выговориться, если что-то его задело, иначе жить невозможно.

– Из учебки связи? – заинтересовался мной капитан. – Понятно. А на гражданке учился где? – удивительно, но он первый этим поинтересовался.

– Горьковский политех окончил, мехфак.

– С высшим образованием? Молодец. Полтора года служить? А почему не офицером?

– У нас военной кафедры не было.

– Ну что же, главное карты товарищу подполковнику хорошо подписывай! – повеселел капитан. – Не огорчай начальство. На зимних квартирах лучше, чем в поле, в палатках мерзнуть!

Я не стал говорить, что не против немного и померзнуть. Иначе просто откосил бы от армии, поскольку городская квартира все равно теплее, чем местная «зимняя», то есть казарма. Кивнул капитану с таким видом, мол, понял, как мне повезло. Удачное место обрыбилось. Готов ценить и все такое.

– Ермачев! Объясни ему, что делать на дежурстве, – велел капитан сержанту-радисту, сам же стал тихонько говорить о чем-то с Хотабинным.

– Принимаешь радиограммы, – Ермачев показал на приемник, – записываешь, – подвинул лежащий на столе грессбух, – докладываешь дежурному офицеру. Частота такая... – Он дотронулся до колесика – ручки на приемнике...

Далее Хотабин повел меня наконец-то в казарму. По дороге рассказывал обстановку:

– Для подполковника Шмоляра ты – просто находка, Смелков! – хохотнул он. – Знаешь, почему? У него своего художника до сих пор не было, побираться приходилось. Кислякова у замполита все время «одалживал». А когда Кисляков был занят, так подполковнику самому карты приходилось готовить! – Хотабин рассмеялся так, будто речь шла о чем-то вовсе непристойном. – Всю плешь проел мне и капитану Сенину, – ты Сенина сейчас видел, – чтобы достали художника. А где мы ему достанем?

Я с пониманием улыбался. Мол, сознаю ответственность и постараюсь не подвести.

– Сейчас в казарме с остальными познакомишься, – пообещал Хотабин. – Шмоляр небось на нашей «бээмпэшке» со всем взводом прикатил.

Я не стал уточнять, почему сам Хотабин, командир взвода начальника ПВО, не был на учениях? Дежурство нес? И какая должность у Сенина? «Со временем все узнаю», – подумал.

Угрюмый увалень, чья койка стояла рядом с моей, оказался механиком-водителем нашей боевой машины пехоты командно-штабной. По простому – «бээмпэшки» или «кашээмки». Кажется, отмыться после вождения и обслуживания техники ему до конца не удалось. На носу осталось темное пятно.

– Бугров! Нос вытри! – засмеялся Хотабин. Увалень улыбнулся командиру взвода, глядя исподлобья. Принялся тереть свой нос классической народной формы (то есть картошкой). Меня улыбкой не удостоил, пожимая руку ради знакомства. Будто был мной уже не доволен. Того и гляди скажет: «Ты там где-то тащился, пока мы тут службу несли». Мне показалось, я вижу уже второго человека в части, которому вечно все не нравится. Первый-то, понятно, Шмоляр. Но, со Шмоляром все ясно, – ему «побираться» приходилось. Он без художника – как почтальон Печкин без велосипеда был. А механик-водитель Бугров что же? Все на нем ездят, кому не лень? Причем, в прямом смысле. А копать в моторе в мороз приходится ему одному? Масло на его носу было явно машинное, никак не сливочное. Он не повар...

Еще несколько бойцов взвода готовились к завтрашнему дню, всех сразу не рассмотрел. Народу в казарме набралось не так много, поскольку рота связи, как я уже знал, отправилась на учения. В целом атмосфера сильно отличалась от того, что привык видеть в учебке. Никто никого не гонял по уставу, не муштровал, не отчитывал. Из учебного заведения я попал в действующую военную часть, где служба – это работа, и никто воспитательной фигней здесь не страдает. Вот главное отличие. И ужин мне понравился. Накормили по-взрослому. Дали возможность спокойно покушать. Не подняли из-за стола с набитым ртом.

Потру водитель Бугров вынужден был обратить на меня свое внимание:

– Смелков, иди на Пункт, тебя Ермачев зовет.

Когда, где Бугров успел попасться на глаза Ермачеву, я выяснять не стал. Повеление Ермачева водила «бээмпэшки» мне передал таким недовольным тоном, будто я в чем-то провинился перед ним. Быть может, рассчитывал, что сегодня я, как выпускник мехфака, стану вместо него в моторе копать? А меня – на Пункт.

– Хорошо, – пожал плечами и отправился, куда велено. Ермачев сидел один.

– Разрешите, товарищ сержант? – спросил, войдя в «радиорубку». Что-то было такое в этом маленьком сержанте, что панибратствовать с ним не хотелось.

– Заходи. Ты не в учебке, Смелков. Здесь все проще, – сказал мне. Однако – таким тоном, что я должен был уяснить, вероятно, он будет справедлив, но строг. Надо помнить, что есть такое понятие, как срок службы. По нему и место, которое ты занимаешь в обществе.

Лишний раз подумал, что сержант с кукольным лицом – паренек с характером. Он усадил меня к приемнику, дождался радиogramмы в нужный час, записывал сам и мне тоже поручил принимать. Морзянка шла быстро, надо отметить, но я успевал.

– Ну, слава богу! – оценил Ермачев мой текст. – Будешь нести дежурство теперь. А то мне надоело тут торчать. Пацаны в казарме без меня заскучали.

Будто в доказательство сказанных им слов на Пункт пожаловал Ермачевский кореш – юноша с румянцем на щеках, при этом по шее видно – жилистый. Чувствовалось, усиленно готовится к дембелю и имеет завышенную самооценку собственных физических данных.

На меня вновь пришедший поначалу не обратил внимания, будто нет меня вовсе, даже не поздоровался. Стал о чем-то шушукаться с Ермачевым. Повернувшись ко мне спиной,

достал что-то из кармана, чтобы показать Ермачеву. В руке у него звякнуло. Однако с конспирацией товарищи «старослужащие» лоханулись. Я увидел отражение в перегородке из оргстекла, отделяющей закуток с радиоприемником: парень держал на ладони какие-то монеты. Причем, явно не наши, не советские. Меньше рубля размером. Пожалуй, с полтинник, но медные или бронзовые. Старинные, похоже.

– Что, в натуре? Там нашли? – удивился Ермачев. – Архивариус знает?

Кореш Ермачева что-то горячо проговорил в ответ, но слов я не разобрал. А Ермачев сказал:

– Не знаю, как вы теперь встретитесь. Длинный-то – того! Кирдык вашему штабу.

Кореш снова что-то говорил-говорил, затем внезапно замолчал, и они с Ермачевым оба обернулись ко мне. Почуяли, что я их спалил, что ли?

– Слышишь, военный, ходи сюда! – сказал Ермачевский дружбан, очевидно, без тени сомнения, что имеет право командовать мной. И дело не в сержантских погонах, которые он тоже имел. Все в том же сроке службы. – Дело есть. Скоро стрельбы на полигоне. Тебе Шмоляр сегодня-завтра, сто пудов, карту принесет подписывать, врубаешься? Надо карту эту переснять. Знаешь, где фотограф живет?

– Откуда ему знать? – ответил за меня Ермачев. – Второй день в части.

– Значит, узнаешь, – безапелляционно заявил дружбан. – Задачу понял?

Я усмехнулся. Ничего с собой не мог поделаться: ощущал себя не просто старше – взрослее этого розовощекого накаченного подростка. Но, у него амбиции. Не пришлось бы серьезно отпор давать!

– Меня с таким заданием не запишут в американские шпионы? – спросил. – Фотограф стуканет. А переснять карту откажется.

Пацан стал раздувать ноздри, но встрял Ермачев:

– Не бзди! Фотограф за рубль маму родную нагишом сфотографирует.

– Ты делай, что тебе говорят, усек?! – стал наезжать его корифан. Не то, чтобы я испугался. Просто решил пока проявить благоразумие. Не знаю ведь, что здесь, да как. Надо осмотреться сперва, потом уже решать, кого ставить на место, а с кем дружбу водить. Потому промолчал и с деланым смирением опустил взгляд.

– Ну, давай, братан! – пожал руку Ермачеву его дружбан и с достоинством удалился.

Я не стал тотчас бросаться к Ермачеву с расспросами, где живет фотограф, готовый за рубль на все. Надо будет, фотографа и сам найду, – решил. Тем более, не стал выяснять, а для чего, собственно, им нужна копия карты? Интуиция подсказывала, какой примерно ответ услышу.

– Садись к приемнику, – распорядился сержант. Пришлось. Вскоре явился Хотабин. Выслушав оценку Ермачева, что морзянку я принимаю прилично, отпустил того в казарму.

Пока Хотабин рылся в каких-то бумагах на полке, я задумался. А зачем карта, вправду, служивым? Ясный перец, карта вообще нужна для ориентировки на местности. Слава богу, еще компас не приказали «родить». Компас им не нужен? Или, компас у них уже есть?.. Что делать: сразу нарываться, или попробовать выкрутиться? Забуреть можно было бы. Однако стало любопытно, а для чего все-таки им карта? В бега решили податься? Нет, конечно. Чай, не зачморенные «духи»! Вон, какие холеные сержанты! И потом, это же карта ограниченной местности. Условный театр военных действий. По ней далеко не убежишь... «Нет, борзеть не стану пока, – решил. – Надо сперва их планы разгадать. Давно в индейцев не играл! – посмеялся над собой. – А что за монеты Ермачеву сержант показывал? Клад наши, что ли?!» – От такой догадки мне совсем весело сделалось.

– Ну, что, Смелков, осмотрелся? Как тебе у нас? – оставил бумаги Хотабин и обратился ко мне.

– Нормально, товарищ старший лейтенант. Тепло, светло и мухи не кусают. Белые.

– Вот-вот. Дежурство на Пункте управления и будет твоей службой. Рота связи сейчас в поле зиму зимует, не сахар. А тебе даже в наряды ходить не надо, коли не проштрафишься. Ты – на дежурстве. Иногда разве что в городок прогуляться придется по линии. Кабель местами по воздуху к офицерским домам тянется. То и дело рвется.

– И в Кяхту?

– А в Кяхту зачем? Что там тебе делать?

– На экскурсию сходить, – стал мечтать я. – Город посмотреть, в музее побывать.

– Будешь службу исправно нести, побываешь. Оформлю увольнительную. И музей посетишь, и в кино сходишь. Кяхта – городок с историей. Бывшие чайные ворота России. В гражданскую войну тут кровушка лилась... А до того торговый город был. Китай рядом. Зажиточный народец здесь проживал.

– Было, кого раскулачивать после семнадцатого года? – высказал догадку я.

– А то! – подтвердил Хотабин. – Котелок у тебя варит. Политех, говоришь, окончил?..

Далее старлей, желавший побольше обо мне узнать, ненавязчиво расспросил, чьих буду, так сказать? Пришлось изображать скромнягу. Так и так, мол. Мама – преподаватель в институте, папа в газете работает. Что главным редактором, а мама – завкафедрой, уточнять не стал. Тем более – говорить про дядю, который в Москве, в военной прокуратуре. Иначе Хотабин бы возбудился! Он перед тем признался мне, что хочет подучиться и перейти на службу в военную прокуратуру. Друзья у него там...

Коль скоро Хотабин сам перекинул такой мостик в разговоре, то я спросил его, что показало первичное следствие на пожарище? Тут старлей, будущий военный прокурор, сразу оживился. Стал передо мной щеки надувать, свое призвание оправдывать. Дескать, круг лиц погибшего сейчас выявляется.

– Значит, нет полной уверенности, что это несчастный случай? – спросил я его.

– А что же тогда?! – рассмеялся надо мной Хотабин. – Спланированное умышленное убийство с целью ограбления?! Так, в мастерской, вроде, и воровать особо нечего!.. Просто так положено. Человек-то погиб. Кто-то должен за это ответить. Как техника безопасности соблюдалась? То, се. Начальнику мастерских сейчас хуже всех. Установят, что допустил преступную халатность, в тюрьму посадят еще.

Хотабин вышел. Вдруг запищал условным сигналом радиоприемник. Я кинулся к тетради. Нет, наше воздушное пространство не нарушила эскадрилья китайских бомбардировщиков, слава богу! Над Кяхтой всего лишь летел кукурузник, если сказать по-простому.

Появился грозный Шмоляр. Безмятежной улыбки, вызванной приятным сном и хорошим пищеварением, на его лице я не заметил. Уже с утра был чем-то недоволен. Заслушав мой доклад про кукурузник, никак не отреагировал. Достал из папки стопку листов двенадцатого формата, белых с изнанки, зеленых с лицевой части. Карта! С полки Шмоляр взял тюбик клея, ножницы. Стало быть, дружан Ермачева оказался сведущ? Работенка мне подвалила?

– Смелков, видишь это? – Шмоляр потряс стопкой зеленых листов. – Сейчас будешь карту клеить. Я научу. А приемник одним ухом тоже слушай!

«Слава богу, что не надо еще одним глазом за чем-нибудь следить, – подумал. – А то вернешься потом на дембель, один глаз – на нас, другой – в Арзамас!»

Старался внимательно слушать подполковника, объясняющего, в каком порядке склеивать листы, где поля обрезать, где оставлять. Ошибиться было никак нельзя. Для подполковника карта – это его лицо! Как ноги для девушки. «Впрочем, о девушках можно надолго забыть», – мысленно одернул себя.

Взялся за работу. Приемник молчал, спасибо ему большое. Шмоляр сперва стоял над душой. Увидев же, что я достаточно аккуратен, расслабился. Склеиваемая карта увеличивалась в размерах, занимая все больше места на столе.

Освоив технику дела, задумался, как же мне снять копию с карты? Идти к фотографу я не собирался. Как пить дать, местный особист наладил с ним контакт, или я не племянник своего дяди. Сказал: «Либо мы дружим, либо твоему „бизнесу“ не просто кирдык, а еще привлечем за нетрудовые доходы». Думаю, особисту по барабану, кто из связистов сфотографировался в форме десантника, увешенный аксельбантами, кто – в форме морпеха, дабы послать фото своей девушке в деревню Большое Сеськино. А вот когда ему доложат, что некий вновь прибывший сержант хочет переснять карту района военных учений, он просто офонареет! Уже в этот день меня упекут в кутузку, либо возьмут под негласный контроль, как *«шпиёна заграничного»*... Ох, и заданыца мне подбрасывают товарищи старослужащие! Может, тут всех вновь прибывших так проверяют на идиотизм? Или они сами – идиоты?!

Беда в том, что в армии, как я уже понял, даже идиотские, на твой взгляд, приказы принято выполнять. В том числе – неформальные, если так можно выразиться. Ибо за невыполнение таких «неоформальных» приказов и наказывают тоже не по уставу, а по «фэйсу», выражаясь языком нашего вероятного противника. «Фэйсом» об «тэйбл»! То есть, надо как-то исхитриться, поскольку буреть, как я решил, еще рано.

Подумал, что может помочь однокашник, Паша Кургузов, – узнал наконец-то его фамилию. В роте накануне вечером я его видел, но не стал афишировать знакомства. Потом пообщаемся, решил. А то станут его еще расспрашивать, кто я таков, да как проявил себя в учебке? Мне особое положение не требуется. Я не женщина, которая впервые замужем, чтобы мечтать о положении. И не карьерист, не считая творческих амбиций...

Мою философию про себя, во всех смыслах, прервал Ермачев. Пришел подменить, чтобы я сходил на обед. Выразительно глянул на карту, затем на меня. Мол, помнишь, что от тебя требуется? Забудешь тут!

Повезло. С Павликом удалось пообщаться в столовой. Он был сегодня дневальным, питался тоже обособленно.

– Паша, есть дело. Не знаешь, где фотоаппарат достать? Хочу сфотографироваться для любимой девушки.

– Так это без проблем. Тут фотограф живет недалеко. Жетон посыльного только раздобудь...

– Не подходит. Мне аксельбанты до пупа не нужны. Я сам хочу антураж создать.

– Олег, я не видел ни у кого фотоаппарата. Где-то есть, конечно. У каптерщика, может, спросить? У Ермачева? Альбомы дембельские все готовят потихоньку. Но, народ сейчас на выезде...

Я задумался. Как это сразу не сообразил, что рота в поле нынче? А у Ермачева, раз он еще и каптерщик, фотоаппарата нет. Иначе без меня бы обошлись. Но, делать что-то надо. К концу обеда родил идею. Решил вспомнить студенческие времена, как чертежи «стеклил» в последнюю ночь перед зачетом.

– Слушай, я у тебя в слесарной мастерской ватман видел. Выделишь лист? Тоже для альбома. Меня Шмоляр припахал плакатным пером писать. Один дед сразу сориентировался и свою задачу поставил. Выручай!

– Я же сегодня дневальный!

– А я сегодня дежурный! Вечный дежурный! «От полетов отстранить, ста грамм не давать...» – припомнил классику отечественного кино. – Ты мне ключи от мастерской дай, я сам сгоняю. Не бойся, лишнего не возьму. На «неприкосновенный запас», который мы с тобой обнаружили, покушаться не стану.

– Ну, хорошо, – Паша достал и отдал мне ключи с таким видом, что я должен был понять – оказывает высокое доверие!

– Спасибо, братан! – хлопнул его по плечу. – За мной не заржавеет, если что.

Покинув столовую, прибыл на Пункт. Шмоляра, слава богу, еще не было. Ермак скучал один. Он поднялся было, чтобы сдать пост, но я остановил его:

– погоди. Посиди еще, пожалуйста. Мне надо отлучиться. По вашему делу. Копия карты нужна, или нет? К местному фотографу я не пойду. Есть получше идея.

– Ну-ну. Ты прямо сейчас с картой выйти хочешь? Шмоляр вот-вот вернется.

– Нет, сейчас без карты пока. У тебя жетон посыльного есть?

– Жетон есть. Только сейчас ты никуда не пойдешь. Вернется Шмоляр, тебя хватится. Кто карту подписывать будет?.. Вечером сходишь. Я приду тебя подменить и жетон принесу. А пока дежурь... Хм! – Ермачев покрутил головой и вышел. То ли шустрый я, по его мнению, то ли наглый.

Шмоляр вскоре вернулся, неизвестно откуда. В том-то и разница между сержантом и подполковником: сержант обязан докладывать подполковнику, куда уходит и откуда возвращается, а подполковник сержанту – никогда. Придирчиво осмотрев карту, Шмоляр пробурчал:

– Ладно.

Следовало понимать, на четверку, по крайней мере, задание я выполнил.

– Теперь надо нанести надписи. – Шмоляр достал шпаргалку, что и как должно быть написано. – Вопросы есть? Приступай!

Осмотрел карандаш, линейку. «Давно не брал я шашек в руки!», – подумал. Шмоляр снова стоял за спиной какое-то время. Очень хотелось обернуться и сделать подполковнику козу. Но, это был бы слишком откровенный плагиат Льва Николаевича Толстого с его желанием ухватить за нос учителя, и я так же, как Лев Николаевич, сдержался... Видя, что карандаш в моей руке не дрожит, линейка не трясется, Шмоляр снова оставил меня без присмотра. Сказал только уходя:

– Аккуратно чтобы!

Ермак пришел после ужина. Выложил на стол жетон – два скрепленных между собой противогазных стеклышка. Внутри – бумага с синим оттиском круглой печати военной части. Он снял с вешалки телефон на ремне, подал мне:

– Надень на плечо. Типа, линию проверяешь... Ты, вообще, куда собрался?

– А Кяхту, – честно признался я.

– В Кяхту?! Ни хрена себе! В Кяхте тебе жетон и телефон не помогут. Они – только до офицерского городка отмазка.

– И то хорошо. А там постараюсь не попасться.

– Адрес кто дал?

– Я же не спрашиваю, для чего карта нужна.

– Хм! Дерзай. На всякий случай, слушай. Расскажу, как наша линия до городка тянется. Вдоль нее пойдешь...

Предъявив жетон, я благополучно, без вопросов дежурного по КПП, покинул часть и зашагал вдоль бетонного забора. А когда забор кончился, перешел через дорогу, поднялся на поросший соснами холм и двинул в сторону офицерского городка по натоптанной тропе.

К счастью, пока шел лесом, беса не видел. Стало быть, не так у меня пока еще все плохо, в отличие от автора известной непристойной частушки с его, мягко говоря, странными видениями...

Миновав ряды пятиэтажек офицерского городка, зорко всматривался вдаль, в надежде увидеть «трех богатырей» – военный патруль, коли таковой нарисуеться, раньше, чем тот засечет меня. От редких прохожих, впрочем, не шарахался, чтобы не приняли за дезертира.

В темноте не сразу отыскал здание мастерской. Прошел сквозь закопченную столярку, гоня мысли о привидениях. Немного повозившись с замерзшим замком, открыл дверь слесарной мастерской. Включать ли свет, вопрос не стоял. Фонарика у меня, естественно, не было. Где та полка, на которой я бумагу видел, как понять? В темноте шарахаться? Пришлось вру-

бать свет, хоть и был риск спалиться. Вдруг кто-то из офицеров припозднится с возвращением из Кяхты в свой военный городок? Будет мимо проходить.

Нашел ватман, отделил от стопы один лист, свернул в трубу. Походил по мастерской, осмотрелся. Половицы скрипели слишком громко, казалось, в тишине. И вдруг раздался стук в дверь! Как гром среди ясного неба! Так, наверное, людей кондрашка и хватает!

Соборазил, что стучат со стороны черного хода. Вряд ли это кто-то из начальства. Подошел к двери запасного выхода. Спрашивать: «Кто там?» – не стал, боясь услышать в ответ: «А ты сам кто такой?» Отодвинул задвижку, отворил дверь и увидел... девичье лицо! Молодая совсем девчонка, лет пятнадцати-шестнадцати, наверное. Неизвестно, кто из нас больше напугался.

– Здравсте. А где Павлик? – пролепетало юное создание.

– Я за него, – улыбнулся «созданию». – Младший сержант Смелков Олег, взвод управления начальника ПВО зенитно-ракетного дивизиона танковой бригады! – доложил по всей форме, чтобы сразу стало понятно: солдат ребенка не обидит. – Прошу! – отступил назад, сделав приглашающий жест рукой.

– Ага. – Она вошла.

– Как вас зовут, сударыня?

– Ира Малышева.

«Похожа, – подумал весело, рассматривая ее, – уж точно не Большакова». Девчоночка была небольшого роста, миловидная, но, как сказать? – обыкновенная. Не красавица и не дурнушка. Мне, впрочем, рисовать такие портреты всегда больше нравилось, нежели принцесс. Девушка репродуктивного возраста не может быть непривлекательной! К сожалению, большинству потенциальных «репродукторов» это становится понятно только после хорошей выпивки.

– Снимать куртку не приглашаю, – извинился перед девушкой. – Здесь не жарко. Отопление выключено после пожара.

– Да, да... Я шла мимо, смотрю свет появился, а то все не было... У тебя нет сигареты? – вдруг спросила она меня.

– Тебе повезло, – усмехнулся. – Хотел бросить, да не успел.

Протягивая ей раскрытую пачку, предупредил:

– Только давай осторожнее. А то в соседнем помещении покурили уже...

Дитя, оказавшееся не столь уж невинным, прикурило от зажженной мною спички, глубоко затянулось, выпустило дым так, что стало понятно: делает это не впервые в жизни, под впечатлением от случившейся трагедии.

– ... Начальнику мастерской не расхлебать после того перекура, – закончил мысль я.

– Начальник мастерской – мой отец, – сообщила девушка. – Он в больнице сейчас. Сердце....

– Да. Можно понять. Сочувствую... Ничего, наверное, скоро выпишут, – постарался ее утешить.

– Отец не должен знать, что я сюда приходила, – попросила Ира Малышева. – Я думала, здесь Павлик... Отец запретил приходить сюда после того, что случилось. Говорит, его итак теперь в милицию затаскают. Если же узнают, что мы с Ленкой тут иногда гостили... Не положено ведь. В общем, проблемы у него будут большие.

– Не волнуйся, не проболтаюсь.

– Вовку так жалко! Прикольный парень был, веселый!.. Пацаны из шараги бухают только. Ночью не ходить – а когда? Днем у Вовки с Павликом работа была. Для военной части своя работа, да еще эта Танька из архива села им на шею. Не продохнуть. Так мы с Ленкой вечерами приходили почаевничать. Отец знал. Кто же думал, что так получится? Мы здесь не причем.

И Вовка не виноват. Сейчас на него все повесят, на покойного. Он не ответит. Но, это не его вина. Он если и уснул, то от усталости. Замучился.

Я подумал, что ночные чаепития с Ирой Малышевой и ее подругой Ленкой тоже не способствовали тому, чтобы Вовка Длинный хорошо выспался и не был чрезмерно утомлен. Но, совсем другая мысль вдруг вытеснила эту. Я захотел узнать:

– Ира, а в тот вечер, накануне трагедии, вы были здесь?

– Были, – как бы нехотя кивнула она. – С вечера заходили к Вовке. Он нас чаем напоил... – Она вдруг насупилась. Кажется, собралась плакать. Этого только не хватало!

– Ну-ну, – коснулся я ее плеча, как взрослый дядя. Сам же подумал: «Чашки Вова Длинный убрал потом, молодец. А то сыскари уже рыскали бы вовсю, с кем он тут чаевничал перед тем, как сгорел на работе. В прямом смысле, к ужасу».

Ира малость успокоилась, высморкалась в платок, который достала из кармана куртки.

– Мы прервали встречу тогда, потому что машина приехала.

– Какая машина?

– Большая. Грузовик военный. «Урал» или «зил». Я их путаю...

– Здорово, что ты вообще такие марки знаешь! – похвалил я девушку, не желающую дружить со своими пацанами из шараги, которые «только бухают». – Значит, подъехал грузовик, и что?

– Вовка в окно его увидел, ну и стал скорее выпроваживать нас через черный ход. «Вы, говорит, на улице погуляйте чуток. Я сейчас загружу кое-что, потом вернетесь».

– А «кое-что» – это что? – решил уточнить я. Ира пожала плечами:

– Доски. Там доски под стеной лежали. – Она кивнула на вход в столярку. – Вовка напил их. Потом в защитный цвет покрасил. Еще – фанеру. Понятно, для своей части. Вот их-то и загружал, мы видели из-за угла...

«Для палаток доски, вероятно, – подумал я, – которые кривыми оказались, по словам Шмоляра. А фанеру на что? Что-нибудь в том же роде?»

– ... Ждали, когда освободится. Офицер ему не помогал. Рядом прохаживался.

– А что за офицер? Вы его знаете?

– Лица не видно было.

– Почему решили, что офицер?

– Так, шинель офицерская.

– Понятно. И дальше что?

– А ничего. Не остался Вовка в мастерской после погрузки. Уехал на грузовике с офицером. Ящик с инструментами взял с собой.

Мне виделась странной эта ночная погрузка. Так-то поработать ночью военному не в диковинку. Это даже не считая нарядов. Но, никуда уезжать Вовка, видно, не собирался...

– Увидев, что друга вашего припахали к работе, вы разошлись по домам с Ленкой, я правильно понимаю? И больше не приходили сюда? Ну, позже, ночью?

– Нет, конечно.

– Ясно. То есть, ничего не ясно, полная хрень, на самом деле, то, что было дальше! – стал я рассуждать вслух. – Человек (Вовка) где-то работает ночью, потом возвращается, явно усталый, но вместо того, чтобы лечь спать, принимается нюхать клей. При том, что у него есть водка, и куда логичнее было бы махануть полстаканчика с устатку да на этом успокоиться. Он же, если верить экспертам, балдеет, а после еще и закуривает. С чего у профессионалов-экспертов такая версия возникла? Не понимаю... А вы не хотите рассказать военному следователю про этого ночного офицера и отъезд Вовки на грузовике?

– Да ты что! – воскликнула Ира. – Нам же нельзя говорить о том, что мы здесь, в мастерской, были! Найдут офицера, или не найдут, еще не известно. А, если и найдут, то что?..

Отцу же точно будет плохо от того, что мы здесь с солдатами по ночам сидели! Скажут: «Досиделись!»

– Да, – вынужден был согласиться я.

– И Вовка не нюхал никакой клей! – горячо заверила Ира.

– Я и сам склоняюсь к тому, что не было у него никакой в том нужды.

Помолчали.

– Кроме Павлика здесь кто-то еще бывал из служивых? – спросил затем. Ира на меня как-то странно поглядела.

– Бывали. Клагоискатели.

– Кто?!

– Сперва как будто игра у них была такая. Все с Татьяны началось. Той, что из архива.

– Тоже подруга ваша с Ленкой?

– Нет. Татьяна, она старше. В архиве дома офицеров работает, бумаги старые разбирает. И вроде как, в музее Обручева еще. Наукой занимается, диссертацию готовит... Она для архива своего стеллажи заказала в нашей мастерской. Ей на работе поручили. С нами-то она поначалу не больно общалась. Но, как-то раз при ней к Вовке двое парней из вашей части зашли. Такие крепкие, видные. Ну, Татьяна перед ними хвостом и завертела. Глазки строить стала. И мы с Ленкой сразу своими у нее сделались... По вечерам посиделки тут пошли. Танька не одна, а с подругой приходит наладилась. Нет, здесь все прилично было, врать не буду. Танька все про клады рассказывала, которые в Кяхте да в окрестностях буржуи попрятали, когда наши, красные, их погнали. Интересно рассказывала, – заслушаешься...

Я, естественно, сразу вспомнил про старинные монеты, которые дружба Ермаку показывал.

– ... А потом они где-то на стороне стали встречаться по-взрослому, как я понимаю. Ленка их видела. Вероятно, у Татьяны дома. Танька же в квартире одна живет...

– Очень интересно. А как служивых наших звали?

– Фамилий не знаю. Они по прозвищам друг к другу обращались. Один – Зема, другой – Боба. А Татьяна и Злата – ну, это подруга Татьяны – называли их по именам: Валера и Ашот.

– Ашот – не русский, стало быть?

– Ну да. Чернявенький такой. Красавец-мужчина! – Она усмехнулась. – Да и Валера ничего. Выглядят постарше, чем Паша и Вовка... Выглядели... То есть, они и сейчас... – Она запуталась. – Вовки уже нет, – кажется, опять нацелилась зареветь.

– Ну, говорили они про клады, и что? – поскорее вернул ее к теме.

– Вовка сказал, что они на самом деле клады решили искать по тем сведениям, что Татьяна из архива добывала.

– Вот как! – воскликнул я. – Здорово! Татьяна, вероятно, чокнутая на своей профессии? – Я решил потрафить Ире, явно не испытывающей добрых чувств к старшим соперникам. – Она – свободная баба, как я понимаю, и может искать, что угодно – женихов, клады... Но служивые-то наши что и как искать собрались? Они же за забором живут, как и я.

– Не совсем. Они по хозчасти оба. Типа снабженцев. Поездки у них, и в город, и за город всякие... У них и офицер в компании имеется!

– В смысле? Офицер тоже клады ищет, как ребенок?

– Он не ребенок. Майор, между прочим! И раз ищет, так, значит, Татьяна всех убедила в существовании кладов!

«Пожалуй, после монет в руках дружба Ермачевского, я и сам готов попасться, – подумал, – хоть это детский сад какой-то – клады искать».

– А что за майор? Фамилия?

– Откуда же я знаю? Это Вовка как-то проговорился про то, что ребята клады на полном серьезе ищут. Даже офицера, майора, увлекли. Классное нашли прикрытие! Мы тогда посидели

хорошо, с шампанским. У Ленки день рожденья был, она угощала. Потом Вовка сказал, чтобы мы язык за зубами держали... Кладоискатели, ха-ха! – презрительно усмехнулась девчонка.

Я помолчал, переваривая все, что от нее услышал. Затем пошел в атаку:

– Ира, вот что я хочу тебе сказать. Ты хорошая, но очень доверчивая. Зачем ты все рассказываешь кому ни попадя? Вот мне, например, первому встречному? Кто знает, что я за тип?

– Я никому не рассказываю! – испугалась она. – Просто ты располагаешь...

– Спасибо на добром слове. Но больше никому ничего не говори, хорошо? И Ленке скажи, чтобы язык за зубами держала. Если честно, у меня большие сомнения в том, что Вовка ваш сам виноват в собственной гибели. Конечно, возможно, что у меня просто паранойя. Совсем этого исключать нельзя, ведь я уже больше полугода нахожусь в Советской армии... Но вдруг я прав? И Вовку вашего убили потому, что слишком много знал? Вы притворяйтесь наивными овечками и делайте вид, что ничего, совсем-совсем, не знаете. Ни про кладоискателей, ни про майора, тем более. Договорились? Скажи мне, где ты живешь. На всякий случай. Меня же, если что, найти просто. Где часть, ты знаешь. На КПП попросишь позвать Олега Смелкова из взвода начальника ПВО. Если спросят, кем ты мне приходишься, говори невестой. Ты же видишь, я – парень симпатичный, никто не удивится.

Ира прыснула со смеху и покраснела.

– Ну, все, – сказал ей. – Надо прощаться. Мне в часть двигать пора.

Ира ушла. Я же сунул в пустой вещмешок свернутый в трубу лист ватмана. Прикинул, вроде держится. Закинул вещмешок за плечи. В руки осторожно, чтобы не разбить и не порезаться, взял лист оконного стекла.

На выходе из Кяхты увидел офицера, шагавшего по своим делам. «Засада», – подумал. Даже честь отдать я не мог, – руки были заняты. Однако офицер посмотрел на меня с пониманием, как я заметил. Дошло: зря боюсь. Кто же заподозрит солдата, который при деле, что он – в самоволке? Та же реакция последовала и на КПП. Только Ермак на Пункте единственный вытаращил глаза:

– Это что такое?

– Это мой «фотоаппарат», – усмехнулся я. – Буду вам карту «стеклить». Если скажешь, какой конкретно квадрат нужен, управлюсь быстрее, – решил схитрить.

– Стекли всю, – не повелся на мою уловку Ермачев. – До хрена делов-то! – оценил он предстоящий объем работы. Я развел руками с таким видом, мол, не сам себе эту работу придумал.

Ермак ушел в казарму. Я же, сняв со стены светильник, перевернул ножками кверху табурет, поместил внутрь источник света, сверху положил стекло, на стекло – карту, на карту – ватман. Нашел скрепки на полке, зафиксировал ими бумагу, чтобы не елозила по карте, взял карандаш и принялся за дело.

К утру в глаза мне будто песок насыпали, но работа была выполнена. Лист стекла вместе с разрисованным ватманом спрятал между столом и стеной. Сна мне оставалось всего два часа. Заперев дверь – мало ли что? – устроился на столе, подложив под голову том земляка – Максима Горького. Единственную книгу, кроме описания боевой машины пехоты командно-штабной, которая тут нашлась. Про Америку что-то. Как-нибудь потом почитаю, решил. Надо же расти над собой. Зевнул и провалился в сон.

Проснулся с туманом в голове. Понял, что в дверь Пункта управления стучат, и, по-видимому, – уже некоторое время! Ринулся открывать. Капитан Сенин, а это был он, увидев мое лицо с трафаретом великого пролетарского писателя на щеке, судя по всему, – собственная щека показалась мне рифленой на ощупь, – воскликнул:

– Смелков! Ты что, на массу давишь? Молоде-ец!

За спиной у Сенина маячил Ермачев, пришедший меня подменить.

– Виноват, товарищ капитан! – отчеканил я. – Не заметил, как задремал. Радиogramмы все приняты.

– Смотри! Поедешь в поле...

В столовой меня углядел Ермачевский дружбан, заказчик «полиграфического» продукта, на который я ночь потратил, да еще и совершил залет перед Сениным. В чем-то солдат похож на девушку. Тоже боится залетов...

– Ну? – спросил «заказчик», подойдя вплотную. Не стал уточнять у этого последователя Элочки-Людоечки, что он имеет в виду, поскольку, естественно, догадался.

– Ну, да, – ответил в тон. – Все готово.

– Ермак говорит, ты там художество какое-то развел? Вечером покажешь. – Он отошел. «Я, значит, должен теперь трястись до вечера в ожидании, примете ли мою работу? – подумал. – Хрен вам!»

Однако геройствовать перед собой можно было сколько угодно, а осадок остался. «Вот, сукин сын! – мысленно обругал Ермачевского кореша. – Надавил на психику!»

Вечером Ермачевский дружбан явился не один, а в компании с крепким брюнетом по имени Ашот. Ермак тоже пришел с ними, сел в сторонке, мол, его это все не касается. «Уж не тот ли самый Ашот, что в мастерскую навевывался? – задался вопросом я. – А дружбан, не иначе, и есть Валера?»

– Это что за подколка? – спросил Ашот, глядя на ватман. Но, не меня, а дружбана. Тот шагнул ко мне, взял за грудки:

– Тебе что было велено сделать? А?! – Он оттянул ткань, собранную в кулак, на себя, и ударил этим кулаком меня в грудь. Кровь бросилась в голову. Представил себе, как от души сейчас врежу ему. Начнется свара. Много шума, боль, кровь. Скорее всего, втроем они меня одолеют, но бой такой дам, что повторения им вряд ли захочется. Возможно, всей компанией окажемся на губе, а кто-то, не исключено, и в лазарете. Вот только потеряю я доступ к информации и возможность разобраться в темной истории... Сдержался.

– Не слышу. Чего молчишь? – спросил дружбан, но кулаком тыкать больше не стал. Видно, прочитал в моих глазах нечто, не похожее на банальный страх.

– А ты сам пересними карту у фотографа, – предложил я ему спокойно. – Думаешь, фотограф ваш не стучит? Он бы и дня не просидел тут со своим фотоаппаратом.

– Что, грамотный?

– Полгода в учебке, до этого пять лет в институте учился, если ты об образовании. И жизнь маленько знаю. Если бы я тупо выполнил то, что вы хотели, сами бы замучились потом объясняться, зачем вам карта района учений понадобилась... А, кстати, зачем?

– Не твое дело! Борзый, что ли?

– Знаешь, сколько раз меня в учебке об этом спрашивали? Скажите лучше спасибо, что не пошел тупо к местному фотографу, а задание выполнил, между прочим. Срок службы я готов уважать...

Пока я отбивался от дружбана, Ашот и Ермак рассмотрели карту. Ермак вмешался:

– Валерыч, оставь его. («Значит, действительно, Валера!» – отметил я). – Нормальную он карту нарисовал.

– Да и дело говорит, – согласился здоровяк-Ашот. – Не подумали мы. Молодец, не дурак. И карта читается.

– Может, возьмете в кладоискатели тогда? – спросил я. Все трое тотчас уставились на меня.

– Что, угадал? Ха-ха-ха! – рассмеялся я. – Ну, правильно, для чего еще карта нужна?

– Кто тебе сказал? – Ашот очень серьезно посмотрел на меня.

– Да никто не сказал. Увидел отражение в прошлый раз. – Я показал на перегородку из оргстекла. – Монеты старинные. Потом – карта. Два плюс два сложить недолго. Вы что, в натуре клады здесь ищете?

– Ну, какие клады? – вкрадчиво спросил Ашот, заулыбавшись. – Ты книжек про пиратов начитался, что ли? У нас дембель скоро. По Селенге в поход хотим пойти. В палатках пожить, порыбачить, понял? Когда еще доведется в этих краях побывать? А монеты Валера на базаре купил, сечешь? Он собирает.

– А! Ну, поход – хорошее дело! – сделал вид, что поверил, я.

– А ты в следующий раз выполняй, что говорят! – не хотел униматься Валера. – И советуйся прежде, чем инициативу проявлять, врубился?

– Да без базара, – отвоёвал еще кусочек независимости я. Дипломатия, бляха муха!

– Вот только как мы этим большим ватманом пользоваться будем? – задумался вслух Ашот.

– Эту проблему я решу, – заверил его. – Карту разделю на листы. Простыня только нужна. Нарезать полосок для мягкого соединения.

– Вот и делай! – подвел итог Валера. «Все-таки шибко озабочен он самоутверждением», – подумал я.

Прихватив с Пункта управления ножницы, сходил в казарму и слегка укоротил собственную простыню.

– «Подшива» на подворотнички, – соврал удивленному Бугрову.

На Пункте, повернув свою карту «лицом» вниз, разметил и разрезал ее на листы двенадцатого формата. Взяв клей, стал соединять листы тканью, проверяя, чтобы те хорошо складывались и не мешали друг другу. Самому своя работа понравилась.

Спрятав сложенную карту, задумался о кладоискателях: «Ни Ашот, ни Ермак на наивных дурачков не похожи. Валера, кажется, ума еще немного нажил, но в игрушки тоже вряд ли играет. Главное, им попустительствует офицер. Какой-то майор. Причем – неявно, фамилию его никто не называл. И – монеты. Выходит, что-то во всем этом есть?..»

Прошло недели полторы. Казалось, кладоискатели забыли о своем заказе. Но, однажды утром, до развода, ко мне вдруг ворвался Валера, один.

– Готова карта?! – выдохнул без своего апломба старослужащего, скорее даже заискивающего.

– Давно готова. Дверь закрой. – Я полез за стол, достал свое произведение.

– Ай, молодец! – прямо-таки душевно поблагодарил он меня и исчез. «На глазах человек меняется! С чего такая перемена в настроении?» – недоумевал я. Разгадка нашлась чуть позже, с приходом капитана Сенина.

– Собирайся, Смелков! – объявил он. – У нас полевой выезд.

– Я же вроде не засыпал больше в неположенное время, товарищ капитан! – сказал с улыбкой.

– В палатке поспишь теперь.

Он объяснил мне, что из экипировки требуется получить у каптерщика. Затем велел рысачить в парк, готовить «бээмпэ» к выезду. Что делать там, Бугров знает. Время выезда уже назначено!

В парке Бугров в рабочем бушлате копался в моторе. Вокруг гусеничной машины прохаживался в чистой шинели старший лейтенант Хотабин. Он давал механику-водителю ценные советы.

– Ну, что, Смелков? Развеешься теперь! – радостно подбодрил меня Хотабин.

– С вами хоть куда, товарищ старший лейтенант!

– Э, нет! – еще более радостно ответил Хотабин. – С вами Ленин едет. Я остаюсь на дежурстве. – Он, очевидно, был счастлив.

– Мирного неба над Кяхтой, товарищ старший лейтенант! – пожелал я. – Ермачев будет радиogramмы принимать?

– Нет, он тоже с вами. Радиogramмы будут пока в соседнем зенитно-ракетном полку принимать. Еще побываешь в нем, быть может, – загадочно улыбнувшись, пообещал Хотабин. – Там радистов учат.

Я, признаться, не понял, чему еще меня учить?

Выезд в поля радовал. Что-то новое! Студентами мы все собирались сходить в зимний поход с ночевкой, да так и не сподобились. «Будет, что друганам рассказать по возвращении», – думал.

В парк пришел Ермачев, в новеньком бушлате. Теплом, толстом, добротном. «Мне бы такой больше подошел», – мысленно позавидовал. Ермачеву бушлат был великоват явно. Каптерщик себя не обидит.

Когда машина наша выползла за пределы части, Бугров дал газу, пахнуло отработанным соляром, «бээмпэшка» прыгнула вперед и принялась пожирать расстояние, качаясь с носа на корму, будто на волнах. У меня, сидящего на броне, свесив ноги в люк, дух захватило, как в детстве на качелях! Радостно стало на душе. Перед глазами расстилалась заснеженная, местами – холмистая, равнина. Воля! Как будто... Воля дома будет.

«Как в этих просторах можно отыскать какие-то клады, даже имея план? Метр влево, метр вправо и, считай, напрасно долбил землю! Попробуй еще подолби ее в мороз! И какие могут быть точные ориентиры по прошествии десятилетий?..» – Качаясь на броне, сам не заметил, как вновь увлекся загадками кладоискателей. Сильно они мне в мозг запали, раз даже новые виды и впечатления не смогли «очистить» голову!..

В чем нам, вновь прибывшим, повезло, лагерь был уже обустроен. Ровные ряды зеленых платок на белом снегу, желто-коричневые столбы из свежеспиленных сосенок по периметру. На них – фонари. Грузовики с офицерскими жилыми кунгами вытянулись в шеренгу, борт к борту, носами к лагерю, задками в поле.

Ермачев командовал установкой нашей палатки. Он имел опыт. Тут срок службы действительно кое-что значит. Сержант знал, как сколотить каркас из досок, настелить пол. Белые свежие половые доски зародили какой-то вопрос в моей голове. Но я сам не понял, что за вопрос, а задумываться было некогда пока. Требовалось печь-буржуйку устанавливать. Ермачеву друганы из взвода обеспечения выделили пару бревен по-братски. Бревна нужно было распилить. Мы с Бугровым принялись за дело. Бугров был как всегда недоволен. Полагал, ему и машину обслуживать хватило бы, вместо того, чтобы дрова пилить. Там есть чем заняться.

Ермачев разбивал наши колоды, ловко управляясь с колуном. Маленький сержантик с кукольным лицом вызывал у меня все больше уважения, хоть друзьями с ним вряд ли суждено было стать. Он держал со всеми командирскую дистанцию.

– Смелков! Ты сегодня дневальный! – крикнул мне. – Тебе ночью печь топить. Не дай бог, мы замерзнем!

Не стал спрашивать, почему я. Дневальный, так дневальный, – решил. Однако оказалось, не судьба. Явился Ленин и увел за собой.

– Будешь у меня истопником, Смелков, – сказал. – Они тут без тебя управятся.

«Вот, блин, барин какой! Истопник ему нужен!» – подумал я весело. Ермаку язык показывать не стал, уходя. Хотя, очень хотелось.

– Печь-то топить умеешь? – спросил капитан, пока шагали вдоль палаток к линейке офицерских грузовиков. Я кивнул:

– Доводилось топить.

«И камин тоже», – мог бы добавить, но не стал, иначе пришлось бы рассказывать про дядькину дачу на Киевском шоссе под Москвой... – Постараюсь не оплошать.

Кунг, установленный на «зилке», где обитал Сенин, был нехитро обустроен. Печь-буржуйка у двери, труба на улицу выходит. Кровать стоит у передней стенки. Перед кроватью – небольшой стол и два стула. Печь от жилого помещения отделяется шторой из толстого брезента.

– На первую ночь дрова есть, потом на заготовку двинем, – обрисовал картину капитан.

Мне нравилась речь его. Такая, как бы, дружеская и простая, без командных ноток. Но обольщаться насчет отсутствия воли у этого офицера я бы не спешил. Сенин окончил училище с красным дипломом, как я слышал. Карьеру нацелен делать серьезно. Офицеров-«пофигистов» в армии солдаты любят, карьеристов – ненавидят. Но, Сенин был не тупой карьерист. Сенин был отличник – офицер умный, тонкий, грамотный...

Вечером к «отличнику» на огонек подтянулись еще двое офицеров. Сам майор Гарбузов, замполит части, и еще старший лейтенант, командир взвода обеспечения, как я понял. Странная компания. Офицеры сели за стол, достали нехитрую закуску. Сенин задвинул занавеску, но не до конца, чтобы тепло от печки шло. Кажется, и фляжка у них там имелась. Я услышал, забулькало. Смотрел на огонь, открыв дверцу печурки, ловил романтику и... слушал их разговор.

Разговор меня весьма заинтересовал. Речь шла не о ком ином, как об уже привлечшем мое внимание сержанте Ашоте Абовяне! Который, оказывается, паскуда... спит с офицерской женой!

– Ее на суд чести вызвать! – горячился, судя по голосу, старлей.

– Ее? – со своей обычной ехидцей сквозь зубы спрашивал Гарбузов. – Она вообще-то не офицер.

– Она – офицерская жена! – пыхтел командир взвода, где, очевидно, служил некогдай-Абовян. – И его на суд вызвать! Бабу распустил!

– Ты загнул, однако, – усмехался Гарбузов.

– Мужика позорит! – старлей очевидно принимал все близко к сердцу. Но не заслужил моей симпатии, так как был вульгарен. Растягивал гласные, как баба на базаре. У него выходило:

«Па-а-азорит!»

– Бохан делает вид, что не знает ничего, – заметил Сенин.

«Бохан?! – мысленно удивился я. – Так, вот о ком речь!»

– Может, и правда не знает, – жуя, проговорил замполит.

– Все уже знают, один он не знает? – не верил старлей. Он напоминал мне молодого петушка. – Терпеть больше не могу! Бохан старше меня по званию и по должности. Иначе сам бы с ним поговорил! А этого ару я на губе сгною!

– Основание? – негромко, с легкой усмешкой, интересовался Сенин. – Нарушение устава тут по-простому не припишешь.

– Она-то что творит? Шлюха! – все возмутился старший лейтенант.

– Знаешь, бабу понять можно, – замполит, видно, решил на себя взять роль адвоката. – Красивая женщина, пропадает в захолустье. Работы нормальной нет...

– Знала, за кого замуж выходила!..

Тут я с «петушком» был полностью согласен.

– Вы, Борис Вадимыч, ее защищать хотите? – спросил старлей.

– Просто пытаюсь быть объективным, Женя, – ответил майор.

– Изуродовать этого ару! Шепнуть на губе, чтобы десантура пороботала.

– Абовян – не простой сержант, забыл? – чуть возвысил голос замполит. – У него папа в Москве, в генеральном штабе! За сына он может тут нам такого шороха навести!

«Так вот оно что! – стало доходить до меня. – Я-то гадаю, с чего такая лояльность к распутникам у замполита!»

– Странно, – усмехнулся Сенин. – Папа в генеральном штабе, а сынок у черта на рогах служит. Отец мог бы сыночку теплое местечко организовать. А то и совсем отмазать.

– Значит, нормальный мужик генерал, – выдвинул предположение Гарбузов.

«Правильно. Дипломат. – Оценил я. – Вдруг дойдет наверх? Пути господни неисповедимы». Мне делалось все веселее.

– А может, до сведения генерала Абовяна как-то довести? Пусть сынка приструнит, – осторожно предложил старлей.

– Гонца в Москву снарядим, что ли? – рассмеялся Гарбузов. – Или письмо анонимное отправим?

– Что же, безнаказанными этих оставлять? – расстроился командир взвода. – Пусть блудят дальше?

– Мне кажется, Бохан, правда, не знает, – стал рассуждать Сенин. – Не такой он офицер, по-моему, чтобы безропотно сносить унижение... Но, она-то что творит! Вся карьера ему может поломать. Если будет громкий развод...

– Да догадывается он, думаю, – сказал замполит. – Ясно же, не клеится у него с женой что-то. Нигде вместе не бывают почти...

Видно, Гарбузов сам не знал пока, как потушить назревающий скандал. С одной стороны, такие случаи, безусловно, требуется пресекать. Выжигать каленым железом, так сказать. С другой стороны – генеральский сынок...

Офицеры еще долго говорили, прежде чем разойтись. На меня внимания не обращали, будто висящая в кунге брезентовая тряпка-занавеска – звукоизолирующая. Однако когда гости ушли, Сенин обратился ко мне.

– Ты, Смелков, если слышал чего, так сделай вид, что не слышал, хорошо?

– Так точно.

Сенин достал из-под подушки фляжку. Фляжка оказалась полной, судя по всему. Видать, его энзэ. Налил в две кружки на четверть. Одну мне пододвинул.

– Ты – мужик взрослый, институт окончил, в жизни понимаешь уже кое-что.

Сейчас я «понимал» главное – что отказываться нельзя. Мы с капитаном типа договор скрепляем теперь. Угощать солдата водкой – грубейшее нарушение дисциплины.

– Будем здравы! – тихонько провозгласил капитан. Чокнулись, выпили.

– Закуси. Вот хлеб, тушенка, огурчики соленые, – обвел он рукой «поляну».

– Благодарю, товарищ капитан.

Отправил в рот ложку тушенки, отломил полкуска хлеба, прожевал.

– Спасибо. У меня печка там... – улыбнулся, отправляясь на рабочее место. Сенин устроился спать. Скоро он тихонько, как бы осторожно, стал похрапывать, а ко мне в дверь кто-то несмело постучал. Кто это так деликатно скребется? – удивился я. Задернув плотнее штору, чтобы тепло капитану сбересть, открыл дверь и увидел солдатика из нашего взвода, голого по пояс.

– Д-д-дай хоть пару дровишек! – попросил он. – Д-дуба даю! У меня дрова сырые, не горят ни хрена. Замполит пришел, а печь погасла. На улицу выгнал за хорошими дровами! А где я их возьму – хорошии?!

Требовалось выручать пацана.

– Ты вот что. Поднимайся сюда, – сказал ему. – А то глядя на тебя мне самому холодно делается. Садись к печке, подкладывай дрова. Попробую пока твою раскочегарить.

Прихватив своих полешек, перешел в соседний кунг. Майор за занавеской не понял, что тут не его боец. Что-то пробурчал насчет времени, мне отпущенного на растопку. Я заглянул в печку – елки-палки! Пацан напихал туда толстых поленьев, их Прометей не разжег бы при таких условиях! Видно, для служивого дело непривычное совсем. Городской парнишка, маменькин сынок. Правда, я сам такой. Учусь понемногу... Быстренько наколол на щепки свои полешки, сунул в печь, подложил кусок тонкой коры. Все занялось с одной спички. Поколол его поленья. Вернулся в свой кунг.

– Иди, горит вовсю. Сейчас быстро прогреется. Дрова такие не пихай больше! Коли! Чем тоньше, тем лучше гореть будут. Правда, и быстрее. Не доводи до того, чтобы потухло. Приходи ко мне, помогу, если что.

Неудивительно, что заготовка дров стала важной задачей для обеспечения жизнедеятельности лагеря. Лагерь стоял на открытой холмистой местности. До ближайшего лесного массива было километров пять. «Пропала роща», – подумал я, глядя, как к ней то и дело ползут грузовики.

Днем покатали и мы на своей «бээмпэшке» заготавливать дрова. Сенин руководил. Пилили мы с Бугровым, Ермачев обрубал сучья.

– Пошевеливайтесь, мужики! Погода портится. Надо возвращаться, – подгонял Сенин.

Закрепив срубленные и очищенные от ветвей стволы на броне, двинули обратно. Навстречу нам попался тентованный «зил» взвода обеспечения.

– Куда?! Возвращайтесь, на хрен!!! – крикнул, глядя на кабину «зилка», Сенин, замахал рукой. Но, в машине не отреагировали. Не заметили, что ли? Что не слышали – итак понятно. «Зил» как ехал, так и поехал дальше, в сторону леса.

– Выбрали время! – крикнул мне Сенин сквозь лязг гусениц. Я ехал рядом с ним, сидя на люке. Ермачев уступил. Он накатался уже.

Сенин волновался не зря. На вечерней поверке выяснилось, отсутствуют двое бойцов из взвода обеспечения. Уехали за дровами...

Ночью, сидя перед буржуйкой, в которой горели и весело потрескивали поленья, я слышал, как переговариваются тревожно гости Сенина. Командир взвода обеспечения поднимал накануне людей на поиски пропавшего «зила», – сами едва не заблудились. Бойцов не нашли. На улице такой буран бушевал, – носа не высунешь. Офицерский кунг раскачивался. Я боялся, как бы не перевернулся. Ну, его на фиг! Приключения тоже в меру хороши. Я же не девочка Элли из «Волшебника изумрудного города»! Дальнейшие поиски отложили до утра...

Утренние разезды также ничего не дали. Все накатанные по холмам дороги напрочь занесло. Очевидно, машина ушла куда-то в сторону от лагеря. В лагере вчера не было света, пока буран не утих. Да, если бы и был свет, – его не увидишь в такую пургу. Горе-дровосеки должны были стоять, переждать непогоду. Куда их потащило?..

Я слушал офицерские разговоры, хотя никто меня не приглашал. На истопника за шторой просто не обращали внимания. Все недоумевал, куда служивые, действительно, подевались, пока не услышал фамилии пропавших бойцов: сержант Валерий Землячко и сержант Ашот Абовян. Тут кольнуло, да еще как! А за дровами ли ребята уехали на самом деле?! Я же точно знал, что у них имелся какой-то свой план. В курсе должен быть Ермак, – рассудил. Пошел к нему. Тот нахмурился, услышав мой вопрос.

– Смелков, ты не по адресу. Если честно, мне их игры детские по барабану. Просто Зема мне корифан. Я ему обмолвился, что ты карты Шмоляру подписывать теперь станешь, он и решил тебя припахать насчет своей карты. Но, я в их клады не верю.

– А как же монеты?

– Да я понятия не имею, где они их взяли. В каких-то развалинах. Потом наслушались от кого-то про заброшенные дацаны. Ну, эти монастыри буддийские. Их же после Октября порушили почти все. Вроде, пацаны вздумали по дацанам порыскать при случае.

«Заброшенный дацан – это нечто более реальное на предмет поиска кладов, нежели белые бескрайние холмы, – подумал я. – В заброшенный дацан и зимой, вероятно, пробраться можно».

– У них, наверное, был план, который требовалось соотнести с картой?

– Ну, был какой-то. Только я его не видел, понял? Если они и вправду поехали клад искать, придурки, так ты, Смелков, помалкивай лучше, пока все не прояснится. И молись, чтобы карту твою не нашли, когда этих кладоискателей поймают. Про карту сходу скумекают, кто ее сработал. Как минимум, на губу отправишься... Пусть вернутся, да получат свои порции на орехи. Кипеш из-за них поднялся! А пока помалкивать будем.

Я не стал говорить Ермаку, что знаю еще кое-что: про Татьяну из архива, про майора. Кто он – майор?.. Очевидно, Ермака данная тема не интересовала.

Прошел еще день. Взвод обеспечения своих пропавших так и не нашел. Нарастала тревога. Командование приняло решение искать всем миром. Задействовать имеющийся подвижной состав. Зону поиска разделили на сектора. На своей «бээмпэшке» мы тоже отправились на поиски. Ехали довольно долго. Видимо, Сенин принял решение обследовать дальние подступы к лесу. Бугров вдруг резко остановил движение. Развернулся на девяносто градусов и двинул напрямик в рощу. Очевидно, Сенин подал ему команду, что-то увидев. Еле проползли между деревьями, все углубляясь в лесной массив. – Я слышал, как терлись бортом о стволы. «Бээмпэшка» почти уперлась в задок того самого «Зила», который мы искали и вот, нашли! Ермак и Сенин были уже возле кабины автомобиля, когда я выбрался наружу. Со стороны своего борта видел Ермака. Тот открыл водительскую дверь и замер. Глаза на его кукольном лице сделались неподвижны. Я все понял. Подошел, тоже заглянул в кабину. Встретился глазами с Сениным, который смотрел с другой стороны. Между мной и Сениным в кабине находились два неподвижных тела. Ближний к нам, Валера, скрючился за рулем, подтянув ноги под себя. Очевидно, до последнего пытался согреться. Другой, Ашот, наоборот, откинулся на сидении так, словно ему было жарко. Глаза закрыты, рот широко открыт. Возможно, у него от холода случилось помутнение рассудка? Видел себя на пляже, под солнцем? Уже не расскажет.

– Вот и вся история, – сказал Сенин, глядя на неживых бойцов. В голосе прозвучала досада.

Я же, будучи в шоке от вида двух очоченевших трупов людей, которых помнил живыми, полными энергии и всяких планов, мысленно не согласился с капитаном: «История далеко не вся. Она вообще только начинается!»

Сенин приказал закрыть двери грузовика и всем вернуться к своей «кашээмке». Стал вызывать по рации Сто первого. Это был позывной Шмоляра, руководившего поисками.

Лично у меня, когда малость пришел в себя, стали возникать вопросы. Отчасти услышал на них ответы от собравшихся вечером офицеров, когда топил печку. На месте гибели сержантов к этому времени уже побывали все, кому положено в таких случаях, включая прокуратуру. Вывод пока был сделан таков, что пацаны замерзли не потому, что в баке топливо закончилось, топлива было достаточно. Очевидно, машина просто заглохла и больше не завелась. Нашли причину, отчего не завелась: отлетел провод массы. Допустим. Но, почему в кузове, под тентом, не оказалось дров? Они же за дровами поехали? Следствие на этот вопрос дает ответ: не успели. Буран помешал. Но, я-то знал, они успели бы. Буран все-таки позже начался. Хоть пару стволов да смахнули бы! Иное дело, если они сначала поехали не за дровами, а дрова рассчитывали запастись уже на обратном пути.

Возможно, я являлся жертвой собственного воображения, но, мне казалось, что от парней просто избавились. Почему? Ну, скажем, они действительно нашли клад, и главный кладоискатель – неведомый майор – решил, что делиться не стоит.

Интересно, кто еще знает о найденном реальном кладе? Знает ли, например, та Татьяна из архива? Быть может, ей тоже грозит опасность?

Другое предположение – наказали Ашота. Чем плохая версия? Вот, только Валеру за что? С другой стороны, Валерик был поверенным а амурных делах Ашота. Можно сказать – сообщником. Ведь получается, что подруга Татьяны, которая крутила с Ашотом, и есть жена Бохана? Заметим, *майора* Бохана. А Татьяна и в этом случае находится в опасности как наперсница изменницы.

«То, что Ермак теперь отрицает общее с кладоискателями увлечение, понятно, – думал я. – Может, и вправду все так, как он говорит, – не вникал особо в их дела, а, может, сдрейфил».

Лагерь вернулся к прежней жизни. Но, это был уже другой лагерь. Никто не мог забыть того, что случилось. Я держал ухо востро всякий раз, когда у Сенина собиралась офицерская компания. Зуд Шерлока Холмса...

– Шмоляр что говорит, – поведал Сенин, вернувшийся в этот день из казарм вместе с подполковником. – Шороха не будет, как боялись. Ара-то, оказывается, щеки надувал только! Врал он про то, что генерал Абовян – его отец. Однофамилец! Если и родственник, то очень дальний. А командир уже с кем надо, в Москве, советовался, что делать? Такая беда, генеральского сынка не уберegli...

Присутствующие разом загалдели, меня же, честно говоря, покорило от того, что офицеров волнует лишь то, как отразится чепе на их карьере.

– Бохану повезло, – еще более цинично высказался Гарбузов. – С любвеобильным Абовяном все решилось... Не тем будь помянут, конечно.

«Бохан устроил засаду на любовника своей жены? – кипел мой разум возмущенный. – Правда, никто пока не говорит, что Абовяна и Землячко убили. Где следы насилия? Просто замерзли. Машина поломалась. Забайкалье, суровая зима. Бывает».

«Как Бохан узнал бы, что кладоискатели именно в этот день и в этот час поехали за дровами? – продолжил я сам с собою рассуждать. – В лагере его не было. Если только он – тот самый майор, который был с ребятами в деле! Но, разве такое может быть – в деле с любовником своей жены? Ну, а если Бохан для того только и покровительствовал кладоискателям, чтобы разделаться с ними?.. А клад? Клад есть, или нет? Может, Бохан – сразу двух зайцев одним выстрелом? И клад забрал, и с любовником жены расквитался?»

Бохан мне с первого взгляда показался человеком умным и решительным, способным на поступок».

«На серьезное расследование рассчитывать вряд ли стоит, – строил я дальше свои умозаключения. – Ясен пень, командир части сделает все, чтобы не выносить сор из избы. Местная военная прокуратура, мне думается, не станет копать. Вынесет вердикт – роковое стечение обстоятельств. Тем более что прокуратура не знает ни про кладоискателей, ни про неверную жену Бохана. Про жену-то, может, донесут, а вот про кладоискателей... Или, мне самому следует подать сигнал?.. Интересно, обнаружили ли мою карту у погибших сержантов, или ее изъял тот, кто каким-то образом „помог“ бойцам замерзнуть?»

Пожалуй, мне стоит пока помолчать, заключил. А вот подсобрать информации ничто не мешает. Поговорить еще раз с Ирой Малышевой, с Павликом. На закуску оставить Татьяну из архива. А главная изюминка – это жена майора Бохана.

Я вдруг будто проснулся и удивился собственным мыслям. Я что, решил расследование вести? С какого перепуга?!

Пока Сенин был в очередном отъезде, в Кяхте, – не больно ему, видно, нравилось в будке спать, – я успел разок сходить в караул, а также побывать... на дне рождения! К моему, то бишь Сенинскому, кунгу подошел спасенный мною морозной ночью от замполита солдатик Берестов. С ним был еще Бугров для массовки. Делегация! Тоном заговорщика Берестенок сказал:

– Олег, есть разговор. Тут такое дело... День варенья у меня. Хочу проставиться. Бабки есть. Ермак с пастухом-бурятом насчет водки договорится. Ехать некому. Мы – на виду. Ты не смог бы? Сенина -то твоего нет пока.

Окинув взором снежную целину за офицерскими кунгами, припомнил песенку Кола Бельды, неизменного участника всех больших концертов на телевидении:

– Паровоз – хорошо, пароход – хорошо, самолет – ничего, а олени лучше... Только у меня даже собачей упряжки нету. Ехать на чем?

– Почтальон на «уазике» тебя прихватит, – озвучил план Берестов.

– Главное, чтобы меня за этим делом кто другой за что-нибудь не прихватил, – не смог не прицепиться к слову я.

– Не-ет, – заверил именинник. – Почтальон же тебя и отмажет, если что. Скажет, попросил тебя помочь. Посылок, мол, много и тому подобное. Как? Сможешь, да? Пойдем к Ермаку тогда. Он тебе все объяснит.

«Все-то у этого Ермака схвачено! Каптерщик крученный!», – думал я, шагая вслед за однополчанами по росту дураков. Первым – маленький Берестов, следом – пухляк Бугров (здоровеет, – из армии вернется, в деревне девки не узнают), третьим – большой я. Мне расти уже некуда, только над собой.

– Что, согласен, стало быть? – встретил меня в палатке вопросом Ермачев. Он сидел на корточках перед буржуйкой, подкладывая дрова. В печке весело горел огонь.

– Поспоришь с вами! – пробурчал я. – Потом скажете, общественное мероприятие сорвал.

– Тогда жди сигнала. Почтальон, Валя Гудок, поедет в Кяхту, тебя возьмет на борт. Заедете с ним к Пастуху-Буряту. Ты его так и можешь называть, «Пастух», или «Бурят». Он откликается. Скажешь, от Ермака. Я с ним еще по «молодости» контакт наладил. Он водкой торгует. Видно, прихват в Кяхте имеет, жучара. Двойную цену, правда, ломит, гад. А в праздники – вообще тройную! Но, как говорится, хочешь – бери, не хочешь – проходи мимо. Еще не каждому продаст... Финансирование – за именинником. – Ермак посмотрел на Берестова. Тот кивнул.

– Договорились, – сказал я. – Зовите. Пойду пока Сенину печку протоплю. Бог знает, когда явится. Чтобы кунг совсем не заледенел, пока меня не будет...

Валя Гудок оказался длинным, задумчивым малым с недовольным лицом. Может, это общее у всех водителей?... Ермак, подсаживая меня к нему, представил как гонца. Куда ехать, Вале объяснять не требовалось. Ему, видать, не впервой.

Конечно, Гудок был не только почтальоном. Прежде всего – водителем замполита, Гарбузова. Поскольку замполиту, по совести говоря, ездить мало куда требовалось, только по ушам, то Валу у него «одалживали» все, кому не лень. Я припомнил, что в злосчастный день своего появления в Кяхте ехал вместе с Боханом и Пашей к сгоревшей мастерской на этом же уазике, и Валя рулил.

Пока катили к Пастуху по заснеженным холмам, Валя нудел про свою нелегкую жизнь, которую можно было бы охарактеризовать кратко: «Загоняли». С добавлением бранного слова, само собой.

Издали, с возвышенности, пастушье хозяйство показалось набором игрушечных домиков, сарайчиков, изгородей на фоне бескрайней холмистой степи. Однако вблизи оно произвело иное впечатление. Круглая юрта Бурята оказалась не «палаткой» – каркасом, обтянутым

войлоком, как я ожидал, а добротным срубом. Плюс хозяйственные постройки, тоже из дерева. Кошара была заперта, овцы сидели «дома». Просторный загон пустовал, не считая собаки. Лохматый, черный с подпалинами, монгольский волкодав посмотрел на меня устало-добродушно. Поднялся, и не спеша побрел знакомиться. Его спокойствием я решил на всякий случай не оболящаться. Кто знает, сколько волков на счету этой милой собачки, помимо лис и сусликов..? Пес замер, глядя, что буду делать. Стоило приблизиться вплотную к забору, он гавкнул пару раз, припав на передние лапы. Получилось забавно, однако я прекрасно понял, что лучше оставаться со своей стороны забора. Конечно, в бушлате и ватных штанах своих я мог бы некоторое время продержаться в роли «нарушителя» для натаски служебной собаки. Только зашивать одежду потом придется ведь своими личными руками. Припомнилась песенка, которую распевали девчонки в институтской общаге, когда счет тостам бывал потерян:

*Была я белошвейкой и шла гладью,
Теперь я – в политехе. И стала... ла-ла.
Парам-пам-пам. Парам-пампам-пампам!*

На лай волкодава открылась дверь овчарни, и на свет вышел бородастый мужик с раскосыми глазами в толстом и, чувствовалось, очень теплом халате, похожем на длинную не по росту солдатскую шинель. Обратила на себя внимание эта его борода – густая, как у абрека. Обычно у бурят и монголов я наблюдал три волосинки в два ряда... Пастух пошел ко мне. Один глаз его казался «подкрашен» сильнее другого из-за небольшой родинки у виска, на том месте, где ресницы сходились. Художника-портретиста во мне и забайкальскому холоду не убить!

– Здравствуйте! – поздоровался с хозяином овчарни. Он по-свойски поднял руку в знак приветствия, будто приятели с ним.

– Я от Ермака, – назвал ему пароль, понизив голос, словно кто-то меня слышать мог. – Нам бы водочки. Две. – Я изобразил пальцами рогатку. – День рождения у приятеля.

Пастух внимательно посмотрел на меня. Точно пытался определить, можно ли мне доверять? Понятно, статью за спекуляцию никто не отменял. Видимо, осмотр гонца по каким-то признакам удовлетворил спекулянта. Отвернулся, ушел в юрту. Какое-то время его не было, – видать, полез в закрома. Его собака тем временем все так же сидела передо мной по ту сторону забора, стерегла.

– Да не нужны мне ваши овцы! – сказал лохматому сторожу. Пес прислушался, приподняв уши.

Бурят вернулся с матерчатой сумкой в руках. Протянул ему деньги. Он сунул их в карман. Лег грудью на жердину забора, раскрыл сумку. Я извлек из нее, одну за другой, две поллитровки «Русской» – точь в точь такие же, как в нашем с Пашей тайнике, разлива Улан-Удэ, как определил потом. Рассовал добычу по глубоким карманам штанов, поблагодарил Бурята, сказал: «До свидания», – и пошел к машине. Пастух так же, как при встрече, лишь поднял руку. Какой-то странный осадок остался у меня от этого акта купли-продажи. Не сразу, но все же понял, в чем дело. Не услышал голоса Пастуха. Одни жесты. Может, немой?

– Готово дело, – доложил Вале. – Едем обратно?

– Ну, сейчас! – чему-то обрадовался Гудок. – Хочешь, чтобы нас спалили на ровном месте, что даром по степи бензин жжем? Едем в Кяхту за почтой. Потом кое-что в часть завезем и тогда уже – обратно, в лагерь.

«Ну, покатаемся, – подумал я. – Отчего бы не покататься? Конечно, на оленях было бы лучше...»

К вечеру благополучно вернулись в лагерь.

– Ну как тебе Бурят? – спросил меня Ермак, пока Берестов ныкал водку.

– Карабас-Барабас, – ответил я.

– Да, – согласился Ермачев. – Бородаща у него знатная.

– Обычно, у местных такой не бывает, – заметил ему. Ермак как-то странно-внимательно на меня посмотрел, но ничего не сказал.

После отбоя разогрели на печурке ужин, принесенный с походной кухни, и подняли тост за именинника. Потом проговорили до полуночи. Сенин, слава богу, по-прежнему отсутствовал. Ермак был нынче в роли тамады. Я при нем как-то больше помалкивал. Видел, что маленький сержант просто влюбил в себя и молодого дурачка-Берестова, и хмурого водителя Бугрова, и остальные его слушали, раскрыв рот. Правда, он мало что рассказывал о себе, зато помнил кучу приколов о сослуживцах. Ермак собирался оставаться на сверхсрочную, по собственному признанию. Правильно. Что ему делать на своем Дальнем Востоке? Для него наша Бурятия – шаг ближе к центру. Стать профессиональным военным у него, чувствовалось, очень даже получится. Мне он, в общем-то, лишь одним был не по душе – тем, что держал дистанцию. По возрасту я этого «старослужащего» старше года на три буду, а он передо мной все «деда» включает!..

Я всегда умел замечать в людях красивое. Оставаясь при этом реалистом, хотелось бы надеяться, поскольку некрасивое видел тоже. Только старался на последнем не заикливаться. Для злословия ума много не требуется.

Полевой выезд закончился. К сожалению, нельзя было сказать, что без потерь... «Крылья сложили палатки, их кончен полет...», – машинально напевал про себя Визборовское «Солнышко лесное» под бледным бурятским солнцем. На складывание «крыльев», снятие фонарей, смотку кабелей, разбор каркасов и полов ушло некоторое время. Колонна двинулась в Кяхту, в свои красные казармы.

Сдав все лишнее Ермаку, который теперь вновь выступал в роли каптерщика, прибыл на пункт управления начальника ПВО. На меня сразу напал с расспросами Хотабин.

– Ну что, Смелков, стряслось там у вас, рассказывай...

Я стал рассказывать про чепе, акцентируя внимание на странностях: почему сержанты поехали за дровами без молодых? Почему – невзирая на буран? И дрова-то во взводе обеспечения, как выяснилось, в запасе еще были.

Мне хотелось возбудить интерес у будущего прокурора, что оказалось несложно, поскольку Хотабин итак уже проявлял любопытство, – видно было.

– Моим друзьям в прокуратуре сигнал был, – рассказал мне взводный, – что Абовян – не простой солдат, а родственник кое-кого. Дескать, работайте на полную катушку. Есть шанс отличиться и продвинуться по службе. Однако ребята понимают: если история дойдет наверх в самом неприглядном виде, командир части на своем посту может не устоять. А полковник Санкин – настоящий офицер. И, полковник Санкин тоже не лыком шит, – заверил Хотабин меня. Как понял, он не раз уже лично общался с командиром части напрямую, прыгая через головы своих начальников рангом пониже – Сенина, Шмоляра. Возможно, сам командир слегка поощрял данное нарушение субординации, потому что ему тоже нужна была информация из «низов». Свои, так сказать, источники. Это была моя гипотеза.

– Санкин поднял свои связи в Москве, – продолжал хвалить командира части Хотабин. – Выяснилось, что Абовян брехал насчет того, что сын генерала, прикинь, Смелков!..

Я не стал говорить, что уже знаю это, поскольку пришлось бы объяснять, откуда...

– ...Однако это все равно хреново, поскольку имени генерала Абовяна все же коснулось. Командиру из Москвы пальчиком погрозили. Но, такого эффекта, какой мог выйти, не получилось...

«В лице Хотабина у меня появился в среде офицеров друг по интересам, – порадовался мысленно я. – Теперь Хотабина можно будет спрашивать о новостях без лишних объяснений, зачем интересуюсь?»

Вечером отпросился у «друга по интересам» стогнать в казарму. Имелись у меня некоторые вопросы к своему однокашнику из учебки, Павлику. Он же теперь – главный столяр и главный слесарь стал. Решил к Павлику клинья подбить.

Паша рассказал мне, что обустраивает мастерскую по новой. Вставил окна, пол настелил. Станки, верстаки только привезли, а надо для стрельб кучу всего готовить. Зашивается!

Оговорив все новости скучным голосом, Павлик спросил:

– Что там с арой и Земой произошло?

Я понял, у Павлика тоже подозрения имеются, что дело нечисто. Пожал плечами с деланным равнодушием:

– Замерзли. Был буран...

– Все не так, Олег. – Он понизил голос. – Помнишь, ты обратил внимание на странность гибели Длинного? Так вот. Эти тоже странно погибли. Странно быстро вслед за ним!

– Они какие-то общие дела имели? – Я не хотел ни о чем его расспрашивать прямо, в лоб, из осторожности, но пришлось поддерживать разговор. Конечно, меньше знаешь – лучше спишь. Больше знаешь – хуже спят другие... Но, лучше уж я буду знать все то же, что знает Паша, чем надо мной, его приятелем, повиснет угроза пострадать от руки неведомых злодеев ни за что ни про что. Так хоть есть шанс что-то предпринять.

– Хочу тебе рассказать кое-что, – понизил голос мой однокашник. – Понимаешь, у нас тут, в Кяхте, золотая лихорадка.

– В смысле?! – разыграл неосведомленность я. – В речке «Кяхта» золото нашли? – с усмешкой спросил. Иру Малышеву решил не палить, что она мне уже все рассказала.

– Не золото, не песок, не камни. Буржуйские клады! А также ценности буддистов.

Выслушав его, я понял, информацию они с Ирой черпали из одного источника. От покойного Длинного, да все той же Татьяны из архива. От кого же еще?

– Что теперь ты обо всем этом думаешь? – спросил Паша.

– Что думаю? Мы с тобой однокашники, Паша. То, что ты мне это рассказал, нормально. А больше никому не говори и от разговоров на эту тему уходи вообще. Со смертью людей пусть военная прокуратура разбирается. Это ее дело. А мы давай будем заниматься своими делами. Ты говоришь, что зашиваешься с подготовкой к стрельбам? Подойди к начальству, попроси меня в помощники. Опыт у меня имеется. Я у себя в Горьком, в кинотеатре, подрабатывал оформителем, пока студентом был. Заказы большие был, и в смысле размеров тоже. Афишу возле кинотеатра представь!

– Да?! Ладно, я попробую. Здорово было бы! Вдвоем быстро станки установим, все запустим... А тебя с Пункта управления отпустят?

– У нас сейчас дежурств нет пока. Зенитно-ракетный полк соседний дежурства несет.

«Ермак будет счастлив, когда его опять на Пункт посадят, – подумал, уходя от Павлика, – но, думаю, переживет».

– Хочет от нас в столярку свинтить! – радостно объявил другим днем Шмоляр обо мне Сенину и Хотабину, присутствовавшим на Пункте. – Что, здесь плохо? – спросил меня.

– Никак нет, товарищ подполковник! Да, я и не рвусь... – изобразил равнодушие. – Однокашник сказал, работы много. Ну, я ему и предложил по доброте душевной: «Договоришься с начальством, помогу».

– Ладно, Смелков. Отправляйся. Выдайте ему жетон, – сказал Шмоляр Сенину с Хотабинным. – И быстрее там управляйтесь! – чуть повысил голос подполковник на меня. – Стрельбы на носу. Будем «Иглу» запускать, – объявил он так, будто речь шла о старте межпланетного космического корабля.

Про «Иглу» я кое-что слышал, спасибо отцу и дяде. Это новый переносной зенитно-ракетный комплекс. «Шайтан-труба» против вражеских самолетов и вертолетов. Хотелось бы увидеть его вживую!

Впряглись с Павликом в работу. В любом случае лучше, чем маяться на Пункте от безделья.

Я ждал архивариуса Татьяну, даже не имея пока понятия, как та выглядит. Павлик говорил, ее не было с тех пор, как случился пожар. Стал придумывать, как бы мне самому добраться до девушки-архивариуса? В разговоре Паша обмолвился, что из архива, бывало, звонили, справлялись, готов ли заказ. Я видел телефон в кабинете.

– Вероятно, и обратная связь с заказчиком у вас есть? Известен телефонный номер архива? – задал Паше вопрос.

– Известен... начальнику мастерской, вероятно. А тот в больнице.

– Пойдем-ка, поищем его записную книжку.

В кабинете у начальника была простая обстановка, а главное – порядок. Записная книжка нашлась в ящике стола, где ей и положено было лежать, по логике. Павлик не понимал, зачем звонить Татьяне? Напоминать о себе, когда и так работы до фига.

– Хотя бы для того, чтобы известить о сержантах, – сказал я ему. – Только ты сразу не говори. Пусть сюда придет. Скажи, есть новости, но не телефонный разговор.

Паша согласился. Набрал номер. Спросил Татьяну.

«Главное, чтобы девушек с таким именем там не оказалось несколько, – подумал я. – Фамилию мы не знаем».

Паша позвонил, на том конце провода что-то ответили. Он поблагодарил, положил трубку, посмотрел на меня:

– Ее нет уже несколько дней. Сказали, болеет, наверное... – Он увидел, что я переменялся в лице. – Ты думаешь?..

– А тебе самому не кажется, что это странно? Она не зашла ни разу после пожара. Хотя бы из приличия, посочувствовать. Все же вы работали для их архива. Должна была зайти!

– Полагаешь, ее могли – тоже?.. Надо тогда поднимать людей, а? Она же одна там живет... Жила...

– Не надо никого поднимать, Паша! – твердо сказал я. – Будем просто ждать. Если такие дела разворачиваются... Не стоит нам показывать лишней тревоги и ненужного волнения. Мы ни о чем не догадываемся и ничего не знаем сверх того, что знают все, понял? Давай работать. А, как стемнеет, я схожу к Ире Малышевой.

– Ты знаешь Иру Малышеву?! Знаешь, где она живет? Откуда?!

Я понял, что прокололся на ровном месте, как дурак! Хотя, беда не велика, конечно.

– Она побывала здесь, когда я ходил за ватманом, вот и познакомились. Вместе ходим, – поскорее добавил, поскольку понял, что Паша уже почти уверен, будто я увел у него девушку из-под носа. Этого только не хватало!

В оговоренный час вышли из мастерской. Паша потянулся было погасить свет за собой, но я предостерег. Мало ли? Какой-нибудь блудный офицер пройдет мимо, потом спросит зама по тылу Петровича, или кто там за мастерскую отвечает? Где, мол, ваши столяры-слесари по вечерам мотаются?

Ира была очень рада, увидев нас двоих с Павликом! Захлопотала, выказывая радушие и гостеприимство. Я скромно сел на диван, не мешая Паше хлопать перед девочкой крыльями и надуваться от важности. Ира призналась, ей не по себе одной по вечерам, когда отца нет. Его выписали, но отправили в какой-то загородный санаторий на реабилитацию. Повезло, можно сказать... Матери у девочки нет, оказывается. Не хотелось добавлять ей тревоги, но пришлось

рассказать про погибших сержантов. Ира зажала себе рот обеими руками, сделала страшные глаза и так замерла, чтобы не закричать. Паша бухнул сдуру ей сразу, что мы с ним не верим, будто парни просто замерзли. Да еще Татьяны нет уже несколько дней, как сегодня узнали. На работу не выходит...

Паша все болтал, строя из себя мужика, я же думал недобро: «Дали слово подростку! Куда тебя несет?! Сейчас молчать надо, а не трещать, как сорока. Кому эта девочка еще разболтает? У кого защиты побежит искать?.. Впрочем, – немного успокоил себя, – она сама боится. Боится за отца. Боится, ее уличат в том, что была в мастерской в ночь накануне пожара. Вряд ли станет болтать».

Однако мысли девушки, я видел, повернули в опасное русло:

– Так значит, Вовку точно убили?! Если Валерку и Ашота убили? И Татьяна пропала?.. Надо тогда в милицию!

– Ира, подожди, остынь! – скорее вступил в разговор я. – Ты Пашу не слишком слушай! Извини, Паша, конечно... Это наши с ним домыслы пока. Надо ждать, пока милиция... то есть, не милиция, а военная прокуратура, выскажется по делу. Пока что никто из серьезных людей про умышленные убийства ни слова не сказал. А вот отца твоего они обвинить в халатности могут! – напомнил ей. – Халатность раздуть гораздо проще, чем убийства раскрыть! И все списать на несчастный случай тоже проще, чем довести расследование до конца. Шум никому лишней не нужен, понимаешь? Я знаю, что говорю.

– Значит что же, все так и оставим? Давайте хоть Татьяну как-то... Ну, скажем кому-нибудь про нее... Что она, быть может, не просто пропала...

Я решительно помотал головой в знак отрицания. Ира сникла.

– Татьяну жалко! – тихонько сказала. – Она серьезная, не то что эта Злата. Сразу видно – вертихвостка!.. Сколько она там будет лежать, в квартире? Если ее правда – того...

– Надо попробовать взволновать ее коллег на работе, – предложил Паша. – Не говоря прямо ничего. Пусть сходят, навелят...

– Паша, это как-то не по-мужски с нашей стороны, – возразил я. Представь, женщины придут, никто им не откроет... А если у Татьяны не заперто? Они же войдут и в обморок попадают! Это такой шок будет! Мы-то хоть морально подготовлены...

– Нет, но так тоже нельзя! Пошли тогда сами к ней ходим! Если не откроет, завтра позвоним в архив анонимно! Скажем, запах из квартиры... – решительно заявила Ира. Про запах сильно сказала! Даже меня передернуло, как представил!

– Ты знаешь ее адрес? – спросил, поскольку теперь уж отступить нельзя было, когда девушка рвется в бой. – Пошли.

Путешествие по ночному городу было не из приятных, с учетом того, что нас ожидало. Еще и от патруля пришлось прятаться. Хорошо, первыми увидели «трех богатырей».

В подъезде свет не горел, – совсем жутко!

Я, заранее наморщившись, принялся под дверь, как пес. Пахло жареной рыбой от соседей, и этот запах перебивал все на свете. Я, во всяком случае, ничего, кроме него, не ощущал.

Звонок не работал. Женщина одна живет... Или жила... Час от часу не легче!

– Надо стучать, – изрек Павел.

– Стучи, – разрешил ему. Долго прислушивались все вместе после стука – ничего. Еще стучали, и опять тишина.

– Ну и что дальше? – Паша, видать, решил, что я буду командиром.

– Что дальше? Ничего. Пошли отсюда. Может, она лежит там, а может ее вообще где-то в снегу закопали, и найдут теперь только весной, – выдал я мрачный прогноз...

Проводив Иру Малышеву домой, до квартиры, дальше – в квартиру, и даже посидев с ней еще какое-то время, потом все же оставили девушку. Мы же не на гражданке, в конце концов. И так свободы выше крыши! Любой солдат позавидует. Двинули к себе в мастерскую.

С освещением в Кяхте было так себе, а в нашем углу и вовсе плохо. Горели лишь окна столярки. Когда подошли к мастерской, из темноты вдруг шагнул человек. Больше того – дама! Одета в приталенную дубленку и вязаную шапочку.

– Здравствуй, Павлик! – услышал я голос. Даже по спине Павлика увидел, как он вздрогнул.

– Таня?! Это вы?! Здрасте! А мы думали...

Я сообразил, что перед нами ожившая «покойница». Свят, свят, свят!

– Что думали? – спросила «ожившая». Лица я пока не видел. Отметил лишь, что она высокая, почти с меня ростом, пожалуй, и кажется еще выше, поскольку стройна.

– Сейчас... – Паша отпер дверь, вошел, включил свет. – Проходите, пожалуйста.

Татьяна вошла первой, я за ней. Она обернулась ко мне. Увидел большие карие глаза. Настолько темные – почти черные. Серьезные, но в них, чувствовалось, притаилась смешинка. Черты лица европейские, но эти глаза... Явно тут не обошлось без монгольской крови какой-нибудь бабушки, или, скорее всего, дедушки. Много этих «дедушек» проскакало через наши земли на конях, с луками и колчанами стрел за спиной. Дедушками они тогда, правда, еще не были, а многие так и не стали. Не без нашей помощи. Пока избавились от их ига, оно, иго, наследить успело изрядно, чего греха таить!

– Это Олег. Познакомьтесь, Татьяна, – представил меня главный столяр. – Он теперь напарник мой. Однокашник, в учебке вместе были.

– Здравствуйте. – Татьяна на миг распахнула для меня свои черные очи. – Я только сегодня узнала про пожар, – вновь обратилась она к Паше. – Болела, с простудой дома лежала. Сказали, что человек погиб. Даже не знала, кто. Значит, Вова?

Паша плотно сжал губы и кивнул, опустив взгляд. Будто ощущал себя виноватым, что погиб не он. «Про сержантов она еще не знает, очевидно», – подумал я.

– Какой ужас...

– Да... Мы с Олегом тут восстановили, что успели. Дел, правда, полно еще. Но, работаем уже. Заказов много. Скоро стрельбы. Проверяющие понаедут. Надо помост делать, лестницы...

– Понятно. А я пришла, смотрю, свет горит. Постучалась, никто не открывает. Думаю, подожду немного. Раз свет горит, наверное, хозяйева где-то недалеко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.